

С. Рансимен

ПАДЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ В 1453 ГОДУ

Стивен Рансимен
Падение Константинополя в 1453 году

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138357
Падение Константинополя в 1453 году: Наука; Москва; 1983
Оригинал: Steven Runciman, "The Fall of Constantinople in 1453"
Перевод:
И. Е. Петросян*

Аннотация

Книга известного английского византиста посвящена событиям, связанным с одним из самых драматических моментов мировой истории – завоеваниям турками-османами византийской столицы Константинополя, которое привело к окончательной гибели некогда могущественной Византийской империи.

Содержание

Предисловие (И.Е. Петросян и К.Н. Юзбашян)	4
Предисловие автора	10
Глава I.	13
Глава II.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Стивен Рансимен

Падение Константинополя в 1453 году

«...Разнеслась весть о том, что великий город пал, наказанный Господом за роскошь, гордыню и вероотступничество, но героически сражался до последней минуты. Греки постоянно помнили тот ужасный вторник – день, который все истинные греки до сих пор считают отмеченным дурным предзнаменованием; но они чувствовали воодушевление и прилив отваги всегда, когда говорили о последнем христианском императоре, покинутом своими западными союзниками, который твердо стоял в проломе стены, сдерживая натиск неверных до тех пор, пока они своим числом не одолели его и он не пал – вместе с империей, ставшей ему саваном».

Рансимен С., «Падение Константинополя в 1453 году».

Предисловие (И.Е. Петросян и К.Н. Юзбашян)

Вторник 29 мая 1453 г. является одной из важнейших дат мировой истории. В этот день сквозь пролом в стене турецкие воины ворвались в Константинополь, и Византийская империя прекратила свое существование. С ее гибелью завершился огромный период развития человеческого общества и в жизни многих народов как Азии, так и Европы наступил крутой перелом, обусловленный характером турецкого владычества.

Разумеется, падение Константинополя нельзя рассматривать как реальную грань между двумя эпохами. Еще за сто лет до захвата византийской столицы, позволившего туркам окончательно утвердиться в Европе, они уже появились на Европейском континенте и обосновались там достаточно прочно. Во времена, предшествовавшие захвату Константинополя, Византийская империя являла собой очень небольшое государство, власть которого распространялась только на столицу с предместьями да на часть территории Греции с островами. Византию XIII—XV вв. можно назвать империей лишь условно. Правители отдельных ее областей часто зависели от императора лишь номинально. Наконец, и после падения Константинополя власть турок распространялась не на всю территорию бывшей империи.

В то же время основанный в 330 г. Константинополь на протяжении всего периода своего существования в качестве византийской столицы воспринимался как символ империи. Принципы византийской государственности с наибольшей полнотой воплотились именно здесь. Константинополь длительное время был крупнейшим экономическим и культурным центром страны, и только в XIV—XV вв. у него появились соперники, а столица стала приходить в упадок. Таким образом, захват Константинополя означал для современников гибель империи.

Книга известного английского византиниста Стивена Рансимена последовательно подводит читателя к событиям, завершившимся падением Константинополя. Общая характеристика византийского государства и общества и очерк появления на исторической арене турок-османов уступают у него место все более и более детальному рассказу об осаде и взятии города. Под пером историка воскресает великая историческая трагедия, где много действующих сил, и каждое из них либо приближает развязку, либо бессильно ее предотвратить. Дряхлость и слабость византийского государства, всего общественного организма начали выявляться уже в XIII—XIV вв. Прекрасный знаток византийской истории, С. Рансимен на конкретных фактах рисует этот процесс, а выразительные детали, которые он подбирает очень умело, позволяют читателю воочию представить жизнь византийцев накануне гибели.

Если слабость Византии обнаружилась не сразу и агонизирующая империя держалась еще в первой половине XV в., то и сила турок обнаружилась в полной мере только в это же время. В книге С. Рансимена многие страницы посвящены истории турок. Тем не менее общая характеристика ее позволит читателю легче ориентироваться в событиях и лучше понять, кому проиграли византийцы историческую битву.

Согласно османскому преданию, основателем государства турок-османов был вождь туркменского (огузского) племени кайы Эртогрул-бей. Признав себя Вассалом султана Алаэддина Кейкубада I, правителя основанного сельджуками в Малой Азии Конийского султаната, Эртогрул получил от него для своего племени пограничные с византийской территорией земли в районе Караджадага. Подобная практика характерна для сельджукских правителей, всячески стремившихся избавить оседлое земледельческое население своих владений от соседства с племенами кочевников.

Уже Эртогрул начал расширять свою территорию; этот процесс продолжался и при его преемниках. После смерти Эртогрула власть перешла по канонам кочевого племенного быта к его младшему сыну Осману. Убив своего дядю Дюндар-бея, Осман утвердился во власти и получил от сельджукского султана титул *уджбея* (пограничного бея). В обязанности уджбеев входила охрана вверенных им пограничных территорий. В 1299 г. султан Алаэддин Кейкубад III вынужден был в результате восстания покинуть свою столицу Конию, и Осман потерял сюзерена. Ему пришлось признать верховную власть монгольской династии Хулагуидов, которой подчинялось сельджукское государство в Малой Азии, и отсылать ежегодно в столицу Хулагуидов часть собранной им со своих подданных дани.

Осман, давший название Османской династии, очень скоро приступил к широкой завоевательной политике. В течение короткого времени ему удалось захватить ряд византийских городов и укреплений. В 1291 г. он овладел Мелангией (Караджахисаром) и стал считать себя независимым правителем, о чем свидетельствует тот факт, что в пятничной молитве называлось его имя.

В османском бейлике, как и в других анатолийских княжествах, в правление Османа еще в значительной мере господствовали социальные отношения, характерные для кочевого родо-племенного быта. Власть Османа в качестве главы племени была основана на поддержке племенной верхушки. Все военные захваты осуществлялись родо-племенными военными формированиями. В аграрные отношения захваченных византийских территорий с оседлым земледельческим населением вносились элементы кочевого, пастушеского хозяйства. Административное управление в османском бейлике было вверено мусульманским духовным судьям – кадиям, а также, по-видимому, наместникам бея, в обязанности которых входил сбор дани с подвластного населения, как сельского, так и городского.

Росту авторитета власти Османа во многом способствовало установление прочных связей с местными дервишскими орденами (мевлеви, бекташи), а также религиозно цеховым братством *ахиев*, пользовавшимся значительным влиянием в ремесленных слоях городов. Вообще, в непосредственном окружении Османа, а затем и его преемников, было много представителей мусульманской религии, сыгравших большую роль в формировании государственных институтов османского государства. Поддержка духовенства имела существенное значение не только в упрочении верховной власти первых османских правителей, но также и в обосновании политики захвата, освящавшейся исламом как «борьба за веру».

В 1326 г., уже при правителе Орхане (1304—1362) турки-османы захватили богатейший торговый город Бурсу, один из важных пунктов транзитной караванной торговли между Востоком и Западом. Очень скоро ими были взяты два других византийских города – Никея (Изник) и Никомидия (Измид). Захваченные у византийцев земли раздавались военачальникам и особо отличившимся воинам в качестве *тимаров* – условных владений, получаемых за несение военной службы. Прототипом этой системы является, по-видимому, византийский

институт *пронии*. Постепенно система тимаров стала основой социально-экономического и военно-административного устройства османского государства, хорошо подходившей к развивавшейся централизации государственного управления.

При Орхане была предпринята важная военная реформа, получившая свое дальнейшее развитие при его сыне Мураде I (1362—1389): созданы пехотное войско и конница (*йайа* и *мюселлем*), набор в которые проводился среди земледельческого тюркского населения османского княжества. Предание гласит, что желающих вступить в войско йайа было столь много, что кадий производил запись за взятку. Солдаты обоих видов войск были обязаны участвовать в крупных военных кампаниях, получая за это поденное жалованье, а в мирное время — заниматься земледелием в своих хозяйствах, приобретая за свою службу налоговые льготы. При султанах Мураде I армия была дополнена крестьянским пехотным ополчением *азебов*, набиравшимся из числа крестьян-христиан, а также ставших знаменитым впоследствии пехотным корпусом янычар, подчиненным лично султану. Вначале янычары набирались из числа военнопленных юношей-христиан, которых принуждали принять ислам, а затем, в первой половине XV в., — из сыновей христианских подданных османского султана, которых стали набирать регулярно согласно учрежденному закону *девширме*. Тогда же было создано конное войско *сипахиев*, подчиненных лично султану и получавших, как и янычары, жалованье из казны. Янычары и сипахии были известны вместе как придворное султанское войско *капыкулу*. Позже к нему были присоединены особые воинские подразделения пушкарей, оружейников и другие вспомогательные части. Все эти войска были уже независимы от родо-племенной военной организации и значительно увеличивали реальную политическую силу верховного правителя.

Как уже говорилось, значительную роль в формировании османской государственности сыграло духовенство. Мусульманские богословы — *улемы* — были наиболее образованной частью придворных; они же становились кадиями и исполняли административные и судебные функции на местах от имени центральной власти. Из этих же лиц первоначально формировался и центральный аппарат власти, возглавляемый везирами. За свою службу они получали земельные наделы, называвшиеся служебными *вакфами* (просуществовали до середины XV в.).

При Орхане везиры не принимали участия в обсуждении военных вопросов: это была компетенция самого Орхана и его приближенных-военачальников. Только при правителе Мураде I с дальнейшим развитием форм государственности у османов везиры обрели право голоса и в военных делах. При последующих османских султанах получил развитие и центральный аппарат власти. В состав султанского совета входили уже не его придворные и военачальники, а высшие представители дифференцировавшейся центральной власти: великий везир, кадиаскеры, дефтердары, нишаиджибаши.

Военные успехи османского бейлика вывели его на передний край политической борьбы, происходившей в данном регионе между Византией, балканскими государствами, Венецией и Генуей. Очень часто соперничающие стороны стремились заручиться военной поддержкой османов, тем самым в конечном счете облегчая ширившуюся экспансию последних. По-видимому, свое растущее политическое и военное значение скоро осознали и сами османские правители, которые стали именовать себя султанами. По некоторым сведениям, султан Баязид I (1389—1402) отправил письмо египетскому халифу с просьбой признать его титул султана, а Мехмед I (1413—1421) начал посылать деньги в Мекку, ибо положение мусульманского правителя во многом зависело от его отношения к религии, от признания его власти в священном городе мусульман.

Значительная роль в процессе постепенного складывания османского государства принадлежала системе тимаров. Земельные наделы или же иные источники доходов (тимары и *зеаметы*.) широко раздавались султаном Мурадом I особо отличившимся в походах солда-

там и военачальникам в качестве условных держаний. Жаловались, собственно, не земли, считавшиеся достоянием казны, а доходы с них (тимарами назывались владения, приносявшие доход от 3 тыс. или даже от 1 тыс. до 20 тыс. акче в год¹, а зеаметами – от 20 тыс. до 100 тыс.). Система тимаров к периоду правления завоевателя Константинополя, султана Мехмеда II (1451—1481), являлась прочной основой аграрного строя османского государства.

Верховное право предоставления тимаров принадлежало султану, однако к середине XV в. тимары жаловались также лицами, возглавлявшими провинциальную администрацию, – анатолийским и румелийским бейлербеями, а позднее и некоторыми другими высшими сановниками.

Владельцы земельных наделов (помимо тимаров и зеаметов существовали также и *хассы* – крупные владения с доходом свыше 100 тыс. акче, предоставлявшиеся важным государственным сановникам) получали свои доходы за счет налогов с крестьян; главным из этих налогов был *ашар* – десятина. Юридически крестьяне были свободны, однако на деле целый ряд ограничений и штрафов, взимавшихся владельцем тимара за уход с земли, отказ обрабатывать ее и т.п., так или иначе прикреплял крестьян к земле, ограничивал их свободу.

Практически санджакбеи и бейлербеи являлись государственными чиновниками и часто смещались с должности, теряя при этом свои владения. Тимариоты же при условии добросовестного исполнения военных обязанностей могли владеть предоставленными им тимарами из поколения в поколение, передавая их по наследству сыновьям, также обязанным нести военную службу султану. Именно тимариоты составляли основную массу конного войска сипахиев и участвовали наряду с другими войсками в осаде и взятии Константинополя. Излишне говорить, что тимариотская масса, своими корнями связанная с традициями кочевого племенного быта и совершенно чуждая какой-либо экономической деятельности, в этот период весь смысл своего существования усматривала в войне. Война сулила богатую добычу и возможность проявить мусульманскую воинскую доблесть.

Учреждение и развитие системы тимаров в конечном счете, безусловно, способствовали феодализации османского государства, хотя в нем еще весьма сильны были остатки родо-племенной системы, накладывавшей свой отпечаток на жизнь османского общества первой половины XV в. Власть султана по-прежнему в значительной степени зависела от поддержки племенной аристократии, особенно в пограничных местностях. Пограничные земли в османском государстве передавались чаще всего племенным вождям, которые вместе со своими воинами – *акынджи* (букв. «налетчики») – охраняли границы государства и совершали набеги на соседние чужие территории.

Значение этих элементов в османской общественной структуре длительное время сохранялось по целому ряду причин. После разгрома Тимуром войска султана Баязида I в 1402 г. османское государство оказалось фактически раздробленным; между сыновьями Баязида долго шла борьба за власть. В этих условиях успех претендента в значительной мере зависел от поддержки племенной верхушки, способной оказывать военную помощь той или иной соперничающей стороне. В этот период истории османского государства централизованная система управления фактически утратила силу, а войско капыкулу было низведено до уровня простых телохранителей султана.

В конечном счете победа в междоусобице досталась после более чем десятилетней борьбы сыну Баязида Мехмеду I (1413—1421), которому постепенно удалось восстановить прежние границы государства и даже несколько расширить их. Однако победа Мехмеда, в достижении которой сыграла свою роль поддержка Византии, далеко не всем казалась бесспорной. Византия умело использовала разногласия внутри Османской династии; в качестве

¹ Прим. ред. – Чему соответствует акче – не указано. Так что не понять – много это или не очень. (В сносках здесь и далее – Примечания или комментарии выполнившего OCR Готье Неимущего.)

платы за оказанную помощь Мехмед возвратил византийцам некоторые из захваченных у них земель, а также на время отказался от активной завоевательной политики в Европе.

Военная верхушка, заинтересованная в новых завоеваниях и добыче, часто вступала в конфликт с султаном. С особенной силой этот конфликт сказался в последние годы правления Мехмеда I и продолжался при его преемнике – султанах Мураде II (1421—1451). Во главе недовольных, значительную часть которых составляли недавно осевшие на землю в Румелии (европейской части турецкой державы) туркменские племена, встал шейх Бедреддин Симави, который в свое время поддерживал другого сына Баязида – Мусу.

Подобные волнения и междоусобицы сильно ослабили политическое значение османского государства, восстанавливать которое с большим трудом пришлось Мураду II. В напряженной борьбе за власть и, кроме того, за сохранение позиций на европейском континенте Мурад в конечном счете вышел победителем.

Успехам Мурада II способствовала последовательно проводившаяся султаном политика централизации государства, упрочения его политического единства, укрепления системы тимаров, восстановления бывшего значения султанского войска капыкулу, повышения боеспособности армии (к середине XV в. турки уже располагали сильной артиллерией). Военная сила крепнувшего государства Мурада II с особенной наглядностью была продемонстрирована в битве при Варне (1444 г.), решившей, по сути, также и участь Константинополя. И когда в 1451 г. на престол вступил его сын Мехмед II, османское государство обладало уже достаточной военной силой и внутренними резервами, чтобы овладеть последним, что, по существу, еще оставалось от Византийской империи, – ее столицей Константинополем. Солидный военный опыт, который был приобретен османскими правителями в процессе полуторавековой завоевательной политики в Европе и Азии, был полностью реализован при осаде города, захват которого значительно повышал в глазах мусульманского мира авторитет турецкого государства.

Такова была сила, которая нанесла последний удар древней византийской цивилизации.

В книге С. Рансимена затронуты многие аспекты византийской истории; наибольшее внимание, однако, автор уделяет отношениям Византии с внешним миром, с Западом и с турками. Автор не ставил своей задачей глубоко раскрыть причины, обусловившие внутренний распад, общий упадок в последний период существования государства ромеев. Рансимена интересуют конкретные, непосредственные причины поражения – явления, которые сделали гибель Византии под ударами турок неотвратимой. Как уже говорилось, этот круг проблем подан автором интересно и занимательно.

Книга основана на первоисточниках. Автор проделал огромную работу по анализу и систематизации данных. Им учтена и использована также большая специальная литература – как по византистике, так и по туркологии. Разумеется, можно было бы сделать немало замечаний по отдельным положениям автора. Нельзя не обратить внимание и на то, что дореволюционная русская литература предмета использована очень мало, а достижения советской византистики совершенно не учтены.

Труд С. Рансимена адресован не только узкому специалисту, но и широкому читателю; это не только научное исследование, но и образный рассказ. Читатель погружается в атмосферу эпохи, он оказывается сопричастен великой трагедии, разыгрывающейся на его глазах. Вряд ли нужно доказывать, что для народов поверженной Византийской империи турецкое завоевание было действительно трагедией. Эмоциональная окраска, которая особенно заметна в заключительных главах, заставляет читателя заново пережить события более чем пятивековой давности. В этом – одно из достоинств книги, которая рекомендуется читателю как образное повествование с широким охватом событий, принадлежащих мировой истории.

Перевод содержит полный текст книги, вышедшей за рубежом в нескольких изданиях. Целиком сохранен также аппарат – в том виде, в каком он был подготовлен автором. В список литературы внесены некоторые изменения и уточнения (хотя, к сожалению, все библиографические данные проверить не удалось). Ссылки на источники и литературу частично даны в сокращении, однако таким образом, чтобы читатель без труда нашел полное описание их в списке литературы.

Предисловие автора

В те времена, когда историки были людьми еще не очень-то искушенными, падение Константинополя в 1453 г. считалось вехой, знаменующей окончание эпохи средневековья. Теперь же мы достаточно хорошо знаем, что движение истории непрерывно и на пути ее нет каких-либо определенных барьеров. Не существует момента, о котором можно было бы сказать, что именно он отделяет средневековый мир от современного. Задолго до 1453 г. явление, обобщенно называемое Ренессансом, уже имело место в Италии и других странах Средиземноморья. И еще долгое время после 1453 г. средневековые представления держались на севере Европы. Исследования мореплавателями океанских путей, коренным образом повлиявшие на мировую экономику, начались еще до 1453 г., однако прошло еще несколько десятилетий после 1453 г., прежде чем эти пути были открыты и это ощутила Европа. Упадок и гибель Византии, триумфальные победы турок-османов, несомненно, повлияли на эти перемены, однако их результаты нельзя связывать только с событиями 1453 г. Достижения культуры Византии оказали большое влияние на Ренессанс, но уже на протяжении более половины столетия до 1453 г. византийские ученые стали покидать свою обнищавшую и ненадежную родину ради спокойных профессорских кафедр в Италии, а последовавшие их примеру после 1453 г. были в подавляющем большинстве либо беженцами, спасающимися от ига неверных, либо студентами с островов Средиземноморья, над которыми еще сохраняла контроль Венеция. В течение долгого времени усиление могущества Османской державы наносило ущерб торговым городам Италии, но оно не подорвало их торговлю, если не считать того, что путь в Черное море был теперь для них закрыт. Завоевание турками Египта было для Венеции более пагубным, чем захват Константинополя. Что касается Генуи, то, хотя она и жестоко пострадала от того, что контроль над Проливами² перешел к султану, причиной ее заката была скорее шаткость ее позиций в Италии, нежели сокращение внешней торговли.

Даже в широком политическом плане падение Константинополя мало что изменило. Турки к этому времени вышли на берега Дуная и угрожали Центральной Европе. Было очевидным, что Константинополь обречен, что империя, состоящая почти из одного деградирующего города, не может выстоять против державы, чья территория занимала большую часть Балканского полуострова и Малой Азии, против империи, энергично управляемой и, несомненно, обладающей самой мощной для того времени армией. Христианский мир был действительно глубоко потрясен падением Константинополя. Но, не обладая нашим ретроспективным взглядом на события того времени, западные страны не сумели понять, насколько неизбежной стала тогда угроза турецких завоеваний. Более того, трагедия Византии несколько не изменила их политику, вернее, ее отсутствие в восточном вопросе. Только Ватикан был истинно удручен и на самом деле планировал контрмеры, но и у него вскоре нашлись более неотложные собственные дела.

С учетом сказанного читателю может показаться, что события 1453 г. вряд ли стоят еще одной книги. Не следует, однако, забывать, что по крайней мере для двух народов этот год оказался жизненно важным. Для турок захват древнего города византийских императоров не только означал возможность основать новую столицу своей империи, но также обеспечивал их постоянное присутствие на Европейском континенте. До тех пор, пока этот город, находившийся в центре их владений, на перекрестке путей между Азией и Европой, им не принадлежал, турки не могли чувствовать себя в безопасности. У них не было оснований бояться греков, как таковых, однако широкая коалиция христианских государств, опираю-

² Прим. ред. – «Проливы» – с прописной в оригинале.

щаяся на такую базу, все еще могла оказаться сильнее их. Имея же в своих руках Константинополь, они действительно были в безопасности. Сегодня, после всех поворотов их истории, турки все еще владеют Фракией, все еще стоят одной ногой в Европе.

Что же касается греков, то падение Константинополя для них было куда более значительным событием: оно означало по меньшей мере конец главы их истории. Блистательная византийская цивилизация, сыграв свою роль в мировой культуре, умирала теперь вместе с умирающим городом. Но она еще не была окончательно мертва. Среди постоянно сокращавшегося населения Константинополя накануне его падения находилось множество блестящих умов своего времени, высокообразованных людей, следующих высоким культурным традициям древней Греции и Рима. И до тех пор, пока император, наместник Бога на земле, пребывал на Босфоре, каждый грек, быть может и потерявший к тому времени свободу, мог с гордостью считать себя связанным с истинным православным христианским сообществом. Хотя император способен был сделать для него на этой земле не очень уж много, он все еще являлся воплощением, смыслом и олицетворением божественной власти. Падение же императора вместе с падением его столицы означало пришествие антихриста, а Греция проваливалась в тартарары с ничтожными шансами выжить. И тот факт, что эллинизм не исчез окончательно, неразрывно связан с неутомимой жизнестойкостью и мужеством греческого национального духа.

В этой книге, как и во многих других, греческий народ предстает трагическим героем, и именно так я хотел о нем писать. Трагизм греческой ситуации взволновал Гиббона, хотя и не настолько, чтобы он смог забыть свойственное ему презрение к Византии. На английском языке эти события в последний раз подробно излагались сэром Эдвином Пирсом в труде, опубликованном 60 лет назад³, однако он и поныне заслуживает внимания. Описание Пирсом операций, связанных с осадой, основано на подробном изучении источников и глубоком личном знакомстве с местностью, и оно до сих пор сохраняет свою ценность, хотя в некоторых других отношениях современные исследования сделали эту книгу несколько устаревшей. Я чувствую себя глубоко обязанным г-ну Пирсу за эту работу, которая по сей день остается лучшим изложением событий 1453 г. на каком бы то ни было языке. С момента ее опубликования множество ученых внесли свой вклад в изучение этого исторического периода. В частности, в 1953 г. было напечатано большое число статей и эссе в связи с четырехсотлетней годовщиной описываемых событий. Однако, кроме книги Гюстава Шломберже, опубликованной в 1914 г. и основанной почти полностью на материалах, приведенных Пирсом, ни на одном из западных языков за последние полвека не появилось всеобъемлющего описания осады.

В своей попытке восполнить этот пробел я с благодарностью воспользовался работами многих современных ученых, как ныне здравствующих, так и покойных. О своей признательности им я еще скажу отдельно в примечаниях. Среди современных нам греческих ученых мне бы хотелось специально упомянуть проф. Закифоноса и проф. Зораса. Что касается истории Османской империи, то мы должны быть глубоко благодарны проф. Бабингеру, хотя его большая книга о Султанах-Завоевателях и не содержит ссылок на источники, которыми он пользовался. Для понимания раннего периода турецкой истории незаменимыми являются книги проф. Виттека. Наконец, среди более молодого поколения турецких историков необходимо упомянуть проф. Иналджыка. Для меня была также чрезвычайно полезной работа преподобного Джилла о Флорентийском соборе и его последствиях.

Основные источники данного исследования кратко изложены в Дополнении I. Не все из них было легко заполучить. Христианские источники собраны в Monumenta Hungariae Historia (тт. XXI и XXII, ч. 1 и 2) покойным профессором Детьером примерно около 80-ти

³ Прим. ред. – Предисловие С. Рансимен писал в 1964 г.

лет назад; однако, несмотря на то что эти тома были набраны, они нигде не публиковались — очевидно, из-за большого количества имеющихся в них ошибок. Из мусульманских источников лишь немногие оказались легкодоступны, в особенности для тех, кто может читать оттоманских авторов лишь медленно и с трудом. Надеюсь, что мне удалось постичь их суть.

Эта книга не появилась бы на свет, не будь Лондонской библиотеки. Я хотел бы выразить мою глубокую признательность персоналу читального зала Британского музея за их терпеливую помощь, а также поблагодарить г-на С.И. Папаставру за сделанную им корректуру текста, членов магистрата Кембриджского университета и персонал «Кембридж Юниверсити Пресс» за их неизменную снисходительность и доброту.

Замечание о написании имен и фамилий.

Не могу сказать, что в транслитерации греческих и турецких имен я пользовался какой-либо определенной системой. В написании греческих имен я придерживался их обычной и естественной формы, а для турецких имен применил простейшую фонетическую транскрипцию. Основой для написания современных турецких слов послужило их современное звучание. Я назвал Султана-Завоевателя его турецким именем Мехмед, а не Магомет или Мохаммед. Надеюсь, что мои турецкие друзья простят меня за то, что я называю город, о котором пишу, «Константинополь», а не «Истанбул»⁴. Было бы слишком педантичным, если бы я поступил иначе.

Лондон, 1964 г.

Стивен Рансимен

⁴ Прим. ред. — Константинополь всегда останется Константинополем. А за песню эту старую и противную: «Истанбул — Константинополь», я бы поэта посадил на кол, а исполнительниц продал бы в турецкий публичный дом.

Глава I. Умирающая империя

На рождество 1400 г. король Англии Генрих IV устроил пир в своей резиденции в Элтхеме. На сей раз причиной его был не только религиозный праздник: король хотел также воздать почести высокому гостю. Им был Мануил II Палеолог, император эллинов, как его обычно называли на Западе, хотя некоторые отлично помнили, что в действительности он был императором ромеев. Мануил посетил Италию и ненадолго останавливался в Париже, где король Франции Карл VI заново отделал для его резиденции крыло Луврского дворца, а профессора Сорбонны с восторгом встретились с монархом, который был в состоянии беседовать с ними с той же степенью образованности и остротой ума, что и они сами. Англия была покорена благородством манер императора, безукоризненной белизной одежд его и свиты. Однако, несмотря на все его высокие титулы, хозяева испытывали чувство жалости к своему гостю, ибо он явился к ним как проситель, в отчаянной попытке обрести помощь в борьбе против неверных, угрожавших его империи. Придворному юристу короля Генриха, Адаму из Аска, было больно видеть его в Лондоне. «Я подумал, – писал впоследствии Адам, – как прискорбно, что этому великому христианскому государю приходится из-за сарацинов ехать с далекого Востока на самые крайние на Западе острова в поисках поддержки против них... О Боже, – восклицает он, – что случилось с тобой, древняя слава Рима?»⁵.

И действительно, от древней Римской империи осталось весьма немного. Хотя Мануил и был законным наследником Августа и Константина, уже в течение многих столетий власть константинопольских императоров не распространялась на Римский мир. Для Запада они превратились просто в греческих или византийских императоров, не заслуживающих серьезного внимания соперников новых императоров, появившихся на Западе.

Вплоть до XI в. Византия была блистательной и могущественной державой, оплотом христианства против ислама. Византийцы мужественно и успешно исполняли свой долг до тех пор, пока в середине столетия с Востока вместе с нашествием турок на них не надвинулась новая угроза со стороны мусульманства. Западная же Европа между тем зашла так далеко, что сама в лице норманнов попыталась осуществить агрессию против Византии, которая оказалась вовлеченной в борьбу на два фронта как раз в то время, когда она сама переживала династический кризис и внутренние неурядицы. Норманны были отброшены, но ценой этой победы явилась потеря византийской Италии. Византийцам пришлось также навсегда отдать туркам гористые плато Анатолии – земли, бывшие для них главным источником пополнения людских ресурсов для армии и запасов продовольствия. Таким образом, империя оказалась меж двух зол; и это ее и без того трудное положение было еще более осложнено движением, вошедшим в историю под названием Крестовых походов. Будучи христианами, византийцы симпатизировали крестоносцам, но огромный политический опыт научил их проявлять веротерпимость и мириться с существованием неверных. Священная война в том виде, в каком ее вел Запад, казалась им опасной и нереалистичной.

Тем не менее они все же рассчитывали извлечь из нее некоторую пользу. Однако находящийся меж двух огней остается в безопасности только до тех пор, пока он силен. Византия продолжала играть роль великой державы, в то время как ее мощь была уже фактически подорвана. Потеря Анатолии, постоянного источника рекрутских пополнений в период

⁵ Adam of Usk, c. 57; Chronique du Religieux de Saint-Denis [y авт. б. м., б. г.], c. 756. Лучшее описание путешествия Мануила II Палеолога см.: Васильев; см. также: Andreewa. Халечки утверждает, что в 1402 г. Мануил имел свидание с папой Бонифацием IX (Hal. 1, c. 514 и сл.). Приведенные им сведения недостаточно убедительны. Известно, однако, что в 1404 г. Мануил посылал послов к папе (см.: Adam of Usk, c. 96-97).

непрекращающихся военных действий, принудила императора прибегнуть к помощи союзников и иностранных наемников, а те и другие требовали платы – либо деньгами, либо в виде торговых уступок. Эти требования надо было удовлетворять как раз тогда, когда экономика империи болезненно переживала потерю анатолийских житниц. На протяжении всего XII столетия Константинополь казался таким богатым и великолепным, императорский двор таким пышным, а пристани и базары города столь полными товаров, что к императору все еще относились как к могущественному властителю. Мусульмане, однако, не отплатили ему благодарностью за то, что он попытался сдержать воинственный пыл освободителей Гроба Господня; крестоносцы же, в свою очередь, были обижены его не слишком ревностным отношением к священной войне. Между тем глубокие старые религиозные различия между восточной и западной христианскими церквями, раздуваемые в политических целях на протяжении XI в., неуклонно углублялись, пока к концу столетия между Римом и Константинополем не произошел окончательный раскол.

Карта «Балканы и Малая Азия в XV в.».

Кризис наступил тогда, когда армия крестоносцев, увлекаемая честолюбием своих вождей, ревнивой алчностью их венецианских союзников и той враждебностью, которую на Западе испытывали теперь по отношению к византийской церкви, повернула на Константинополь, захватила и разграбила его, образовав на руинах древнего города Латинскую империю. Этот Четвертый Крестовый поход 1204 г. положил конец Восточной Римской империи как наднациональному государству. После полувекового изгнания в Никее, на северо-западе Малой Азии, император и его двор вернулись в Константинополь, и Латинская империя прекратила свое существование. Казалось, вот-вот начнется новая эра величия Константинополя. Однако империя, восстановленная Михаилом Палеологом, уже не была доминирующей державой на христианском Востоке. Она сохранила лишь отблеск своего бывшего мистического престижа. Константинополь все еще был «Новым Римом», высоко почитаемой исторической столицей православного христианства; император все еще, по крайней мере

в глазах тех, кто жил в восточной части, был римским императором. Однако в действительности он был теперь лишь государем среди равных ему или даже более могущественных.

Появились уже и некоторые другие греческие правители. К востоку от Византии находилась Трапезундская империя Великих Комнинов, разбогатевшая на доходах от своих серебряных рудников и торговли вдоль старинного торгового пути из Тебриза и глубин Азии. В Эпире образовалась Эпирская деспотия династии Ангелов, одно время даже соперничавших с никейцами в стремлении отвоевать константинопольский престол, однако вскоре утративших всякое значение. На Балканах Болгария и Сербия поочередно претендовали на гегемонию на полуострове. В Греции – на материке и островах – возникли мелкие франкские феодальные княжества и итальянские колонии. Для того, чтобы вытеснить венецианцев из Константинополя, византийцы обратились за помощью к Генуе, потребовавшей, однако, вознаграждения за это; и теперь генуэзская колония Пера, или Галата, расположенная на другом берегу Золотого Рога, прибрала к рукам большую часть столичной торговли⁶. Византийцам угрожали со всех сторон. Итальянские властители были готовы отомстить им за уничтожение Латинской империи. Славянские князья на Балканах домогались императорского титула. Турок в Азии удалось на время утихомирить; не будь этого, Византия вряд ли сумела бы выстоять. Однако, когда во главе их появилась династия блестящих военных предводителей Османов, стало очевидным, что в скором времени турки вновь заявят о себе. Возрожденной Византийской империи с ее сложными обязательствами в Европе и постоянной угрозой с Запада нужно было значительно больше денег и солдат, чем она имела. И она экономила за счет своих сил на восточных границах, пока не стало слишком поздно и османские турки не прорвали ее оборонительные рубежи⁷.

Наступило время разочарований. Весь XIV век был для Византии периодом политических неудач. На протяжении нескольких десятилетий казалось, что сильное Сербское королевство сумеет завладеть всей империей. Византийские провинции были опустошены мятежом каталонских наемников (Каталонской компании). Личные и династические раздоры при дворе являлись причиной нескончаемых гражданских войн, особенно обострившихся, если в них принимали участие светские и религиозные партии. Император Иоанн V Палеолог, правивший на протяжении 50-ти лет – с 1341 по 1391 г., свергнулся с престола не менее трех раз – своим свекром, затем сыном и, наконец, внуком, – хотя в конце концов умер он все-таки на троне⁸.

В стране свирепствовали опустошительные эпидемии чумы. «Черная смерть», разразившаяся в 1347 г., в разгар гражданской войны, унесла не менее трети населения империи⁹. Турки, воспользовавшись неурядицами в Византии и на Балканах, переправились в Европу и продвигались все дальше и дальше, пока в конце столетия войска султана не вышли к Дунаю и Византия не оказалась окруженной его владениями почти со всех сторон. Все, что осталось от Византийской империи, – это сам Константинополь, несколько городов на фракийском побережье Мраморного и Черного морей (включая Месемврию на севере), Фессалонику и ее окрестности, несколько небольших островов и Пелопоннес, где деспоты Морей, младшая ветвь царствующего дома, добились некоторых успехов, отвоевав у франков часть своих владений. Несколько латинских государств и колоний уцелели в Греции и на островах

⁶ Современное деление на Галату (нижний город) и Перу (на холме) в средние века отсутствовало. Употребляли оба имени, но название «Пера» считалось официальным.

⁷ Общую картину эпохи см.: Ostrog, с. 426 и сл.

⁸ Там же, с. 476—484.

⁹ Прим. ред. – В 1348 г. произошла великая эпидемия чумы, в результате чего население Европы (вплоть до Исландии и гренландских норманнов), по мнению историков, ополовинилось – погибли десятки миллионов человек (см.: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада М.: Прогресс-академия. 1992. – 376 с.; Чума. БМЭ. Т. 27. 1986).

Архипелага. Герцоги-флорентийцы все еще правили в Афинах, а князья-веронцы – на островах Эгейского моря. Все остальное было уже захвачено турками¹⁰.

По прихоти судьбы культурная жизнь Византии в этот период политического упадка была более бурной и плодотворной, чем когда бы то ни было. В художественном и интеллектуальном отношении эра Палеологов была поразительной. Мозаики и фрески в церкви Хоры в Константинополе, относящиеся к началу XIV в., обладают такой живостью, свежестью и красотой, что по сравнению с ними произведения итальянских мастеров того же периода выглядят примитивными и незрелыми. Произведения столь же высокого качества создавались и в других местах столицы, а также в Фессалонике¹¹. Однако искусство такого высокого уровня обходилось недешево. Денежные затруднения становились все более ощутимыми. Во время коронации 1347 г. заметили, что драгоценные украшения в диадемах Иоанна VI и императрицы были в действительности сделаны из стекла¹². К концу столетия, хотя было еще достаточно произведений искусства малых форм, новые церкви строили только в провинциях, например в Мистре на Пелопоннесе и на Афоне, и отделаны они уже были гораздо скромнее. Между тем интеллектуальная жизнь, значительно менее зависящая от финансовых возможностей, продолжала блестяще развиваться. В конце XIII в. Константинопольский университет был заново отстроен известным первым министром Феодором Метохитом, человеком образованным и обладающим большим вкусом; отделка церкви Хоры также связана с его именем¹³. Он способствовал появлению блестящей плеяды византийских ученых.

Наиболее известные ученые XIV в., такие, как историк Никифор Григорас (Григора) [Здесь и ниже в скобках приводятся другие варианты написания некоторых известных греческих фамилий XV в., встречающиеся в византистике. (*Примеч. ред.*)], богослов Григорий Паламас (Палама), мистик Николай Кавасилас (Кавасила), философы Димитрий Кидонис и Акиндинос (Акиндин), учились в Университете в одно и то же время и испытали влияние Метохита. Его преемник на посту первого министра Иоанн Кантакузин также поощрял их, однако впоследствии, когда он узурпировал императорскую корону, многие из них с ним порвали.

Каждый из этих ученых обладал оригинальным мышлением; несмотря на дружбу, они вели оживленные дискуссии друг с другом, как на протяжении почти двух тысячелетий греки постоянно спорили о том, кто выше – Платон или Аристотель. Они спорили о семантике и логике, но их дискуссии неизбежно вторгались в область богословия. Православная традиция была весьма чувствительной к философии. Ревностные церковнослужители верили в обучение философским дисциплинам, используя термины Платона и методологию Аристотеля. Однако православная богословская наука в целом отвергала философию, считая ее неспособной разрешить проблемы, связанные с Богом, поскольку Бог по своей сущности был выше человеческого познания. Конфликтная ситуация возникла в середине XIV в., когда кое-кто из философов под влиянием западной схоластики выступил против традиционного церковного толкования мистицизма, защитники которого должны были в связи с этим сформулировать свою доктрину и провозгласить веру в извечную Божественную энергию. Это привело к острой полемике, посеявшей вражду между прежними друзьями и партиями. Доктрина о Божественной энергии получила поддержку главным образом среди монахов, в большинстве своем антиинтеллектуалов. Главный выразитель их идей, Паламас, именем

¹⁰ Greg., с. 796—798; Cant., с. 49-53. Бартоломео делла Пульола пишет, что смерть унесла восемь десятых населения (см.: Bart., с. 409). О границах империи в XV в. см.: Bakalopoulos, с. 56—65.

¹¹ Об искусстве времен Палеологов см.: Beckwith, с. 134 и сл.

¹² Greg., с. 788—789.

¹³ О Феодоре Метохите и культурной жизни в его время см.: Beck 3.

которого часто называют эту доктрину, был человеком глубокого ума, не воспринимавшим, однако, идеи гуманизма. Тем не менее в число его приверженцев входили такие высокообразованные интеллектуалы-гуманисты, как Иоанн Кантакузин и Николай Кавасилас. Их победа никак не была, вопреки распространенному мнению, победой обскурантизма¹⁴.

Существовала, однако, другая, главная проблема, которая касалась не только богословов и философов, но и политиков, – проблема объединения с римской церковью. Раскол между двумя церквями к тому времени был уже полным, и триумф паламизма способствовал еще большему его углублению. Однако для многих византийских государственных деятелей было очевидным, что империи не выжить без помощи Запада. Если эту помощь можно получить только ценой подчинения римской церкви, грекам следует на это пойти. В свое время Михаил Палеолог, отвергая западные планы возрождения Латинской империи, пытался склонить свой народ к унии с Римом, заключенной на Лионском соборе. Но большинство византийцев отнеслись к унии резко отрицательно, и, когда угроза для империи миновала, его сын Андроник II отрекся от унии. Теперь, когда империя оказалась окруженной почти со всех сторон турками, положение стало еще более угрожающим. Уния стала необходима не для того, чтобы откупиться от врагов-христиан, а чтобы заручиться поддержкой в борьбе против куда более опасных врагов-неверных. На православном Востоке не было никого, кто мог бы оказать помощь. Христианские государи придунайских стран и Кавказа были слишком слабы, да и сами находились в серьезной опасности, а русские, обремененные к тому же множеством собственных проблем, слишком далеки¹⁵. Но захочет ли хоть одно католическое государство спасти тех, кто, по его мнению, стали схизматиками? Не будет ли оно считать турецкое нашествие справедливой карой за раскол? С мыслями об этом император Иоанн V в 1369 г. отправился в Италию, к папе, чтобы признать его главенство над собою лично. Но он предусмотрительно отказался признать эту власть для своих подданных, тщетно надеясь, что позднее ему удастся побудить их последовать его примеру¹⁶.

Ни Михаил VIII, ни Иоанн V не придавали большого значения вопросам богословия. Для них обоих политические преимущества унии превалировали над всем остальным. Что же касается богословов, то для них проблема унии была гораздо сложнее. С очень древних времен восточное и западное христианство все более расходилось в вопросах богословия и службы, церковной теории и практики. Главной же богословской догмой, разделявшей их, был вопрос об исхождении Святого Духа – прибавлении римской церковью к Символу Веры слова *filioque*¹⁷. Были и другие, менее значительные расхождения. Принятая незадолго перед этим доктрина о Божественной энергии была неприемлема для Запада; западный же догмат о чистилище казался Востоку слишком вольным. В области церковной службы главный пункт расхождений заключался в том, должен ли хлеб для причастия быть замешанным на дрожжах или нет. Для Востока западная традиция употреблять пресный хлеб казалась обрядом иудаистским, оскорбительным для Святого Духа, который символизировали дрожжи. Подобное же неуважение Запад демонстрировал и своим отказом признать «Эпиклесис» – обращение к Святому Духу, без чего, как полагали на Востоке, хлеб и вино нельзя считать достаточно освященными. Различные точки зрения были и на то, причащать ли мирян обоими видами причастия, и по вопросу о браке белого духовенства.

Но наиболее существенными были разногласия по вопросам устройства церкви. Обладает ли римский епископ лишь приоритетом чести, или он пользуется абсолютным главенством в церковной иерархии? Византийская традиция исходила из существовавшего с неза-

¹⁴ См.: Meyendorff, а также: Beck 1.

¹⁵ Прим. ред. – Конец XIV в. – ордынское иго на Руси. Готовились к Куликовской битве (1380 г.)

¹⁶ Hal. 2, в особенности с. 205; Charanis, с. 287—293.

¹⁷ Прим. ред. – Filioque – «И от Сына».

памятных времен правила о священном равенстве епископов; никто из них, даже преемник святого Петра, не имел права навязывать свою доктрину, каким бы уважением ни пользовались его взгляды¹⁸. Право провозглашения доктрин имеет только Вселенский собор, где, как в праздник Пятидесятницы, присутствуют все епископы; только тогда Святой Дух нисходит, чтобы просветить их. Римское прибавление к Символу Веры шокировало Восток не только в богословском плане, но еще и потому, что это было односторонним изменением формулы, освященной Вселенским собором. Не могла восточная церковь признать также административную и дисциплинарную власть Рима, полагая, что такой властью обладают все пять патриархов, из которых папа римский считался старшим, но не верховным главой. Византийцы были весьма привержены к обрядам и правилам церковной службы, тем не менее их церковная доктрина об Экономии, рекомендовавшая обходить мелкие разногласия в интересах сохранения порядка в Доме Божием, разрешала им проявлять известную гибкость. Римская же церковь по самой сути своей не могла идти на какие-либо уступки¹⁹.

Византийские ученые относились к идее унии по-разному. Многие из них были слишком преданы догматам православия, чтобы вообще думать об унии с Римом. Однако находились и такие, особенно среди философов, кто был готов примириться с подчинением Риму, если их вероучение и традиции не будут прямо отвергаться. В это тревожное время для них было превыше всего сохранение единства христианства и христианской цивилизации. Многие из них побывали в Италии и могли заметить, что интеллектуальная жизнь там бьет ключом. Они могли убедиться и в том, как высоко стали ценить в Италии греческих ученых, если те приезжают как друзья. Приблизительно в 1340 г. Димитрий Кидонис перевел на греческий труды Фомы Аквинского. Схоластические построения последнего привлекли внимание многих греческих мыслителей, наглядно показав им, что эрудицию итальянских ученых нельзя недооценивать. Греческие ученые стремились расширять культурные связи с Италией, и это желание было взаимным. Все большее число их получило предложения занять доходные профессорские кафедры на Западе. Идея интеграции византийской и итальянской культур становилась все более привлекательной, и если греческие церковные традиции будут гарантированы, то стоило ли волноваться из-за подчинения римской церкви, принимая во внимание при этом ее достойную роль в прошлом и блеск нынешней итальянской жизни?²⁰

Сторонники унии принадлежали главным образом к интеллектуальной элите либо к политическим деятелям. Монахи же и низшие слои духовенства были ее открытыми противниками.

Вопросы культуры их мало волновали. Они кичились своей верой и традициями. Они помнили и о страданиях их прадедов под властью латинских императоров. Именно эти слои оказывали непосредственное влияние на умы людей, проповедуя, что уния безнравственна и принять ее значило рисковать обречь себя на вечные муки. Подобная участь выглядела куда страшнее любого бедствия, которое могло обрушиться на них в этом преходящем мире. Имея такую оппозицию, любому императору было бы нелегко выполнить какие бы то ни было обещания осуществить унию; среди противников унии имелись ученые и богословы, чья приверженность традициям шла не только от сердца, но и от ума, а также политические деятели, которые не верили, что Запад будет когда-либо в состоянии спасти Византию, как таковую.

Ожесточенные споры об унии происходили в атмосфере экономического упадка. Несмотря на блестящие достижения его ученых, Константинополь конца XIV столетия был печальным, деградирующим городом. Его население, которое в XII в. составляло вместе с

¹⁸ Прим. ред. – Патриарх у православных – только первый среди равных епископов.

¹⁹ Краткое изложение богословских различий см.: Runc. 2, с. 337—350.

²⁰ О Димитрии Кидонисе и его влиянии см.: Beck 2, с. 732—736.

окрестными жителями около миллиона человек, теперь насчитывало не более ста тысяч, продолжая постепенно сокращаться и далее²¹. Предмestья на противоположном берегу Босфора уже находились в руках турок. Пера, расположенная на другой стороне Золотого Рога, стала колонией геновцев. На фракийских берегах Босфора и Мраморного моря, усеянных когда-то роскошными виллами и богатыми монастырями, у греков осталось лишь несколько деревушек, лепившихся вокруг старинных церквей.

Сам город, окруженный стенами протяженностью 14 миль, даже в свои лучшие времена был полон парков и садов, отделявших городские кварталы друг от друга. Теперь же многие кварталы фактически исчезли, и засеянные поля и сады разделяли лишь то, что от них осталось. В середине XIV в. путешественник Ибн Баттута насчитал внутри константинопольских стен 13 отдельных городских поселений. Гонсалес де Клавихо, посетивший Константинополь в первые годы XV столетия, был поражен тем, насколько такой громадный город полон руин, и Бертрандон де ла Брокьер несколько лет спустя пришел в ужас от его заброшенности. Перо Тафур в 1437 г. писал о редком и поразительно бедном населении Константинополя. В отдельных его районах казалось, что вы находитесь в сельской местности с цветущими по весне зарослями диких роз и поющими в рощах соловьями.

Строения Старого императорского дворца в юго-восточном конце города стояли заброшенными. Последний латинский император, дошедший до крайней бедности, продал большую часть находившихся в городе священных реликвий Людовику Святому²²; затем, прежде чем отдать в залог венецианцам своего сына и наследника, он приказал снять с кровли дворца все свинцовые покрытия и расплачиваться ими вместо денег.

Ни у Михаила Палеолога, ни у его наследников уже не нашлось достаточно средств, чтобы их восстановить. На территории дворца сохранились в порядке лишь несколько церквей, таких, как Новая Базилика Василия I и церковь Фаросской Богоматери. Поблизости постепенно разрушался ипподром; молодые люди из благородных семей использовали его арену для игры в поло. В стоящем напротив патриаршем дворце еще находилась канцелярия патриарха, однако сам он уже давно не осмеливался жить в нем. Только величественный собор св. Софии (Божественной премудрости) был по-прежнему великолепен, поскольку на его содержание шли средства, получаемые по специальной статье государственных сборов.

Карта «Константинополь в середине XV в.».

²¹ Schneider, с. 233—244.

²² Прим. ред. — Людовик VII (правил в 1137—1180 гг.) — один из руководителей печального Второго Крестового похода. Этот король набрал и вез с собой огромную сумму денег.

Константинополь в середине XV в.

Главная улица, проходившая через центральную холмистую часть города от Харисийских (ныне Адрианопольских) ворот до Старого дворца, была тесно застроена лавками и домами с возвышающимся над ними собором св. Апостолов; громадное здание собора находилось, однако, в плачевном состоянии. Вдоль Золотого Рога тянулись более многочисленные и расположенные близко друг от друга селения; особенно тесно были заселены оба конца залива – у сухопутных стен в квартале Влахерны где теперь находился новый императорский дворец, и у оконечности полуострова под холмом, с расположенным на нем арсеналом. Наиболее богатый квартал из примыкавших непосредственно к заливу принадлежал венецианцам; рядом располагались улицы на которых селились торговцы с Запада: анконцы²³ и флорентийцы, рагузаны²⁴ и каталонцы, а также евреи. Вдоль берега тянулись верфи и складские помещения; примерно в том месте, где сейчас расположен Большой крытый рынок,

²³ Прим. ред. – Анкона – итальянский порт.

²⁴ Прим. ред. – Лат. Рагуза – город Дубровник в Хорватии.

имелись базары. Все эти кварталы были, однако, обособлены друг от друга, многие из них обнесены стенами или заборами. На южных окраинах города, обращенных к Мраморному морю, селения встречались реже. В квартале Студион где сухопутные стены спускались к Мраморному морю, вокруг старинной церкви св. Иоанна и исторического монастыря при ней с его прекрасной библиотекой, группировались здания Университета и Патриаршей академии. К востоку от них, в Псамафии находилось несколько верфей. В разных частях города еще попадались великолепные дома горожан и здания монастырей. Временами можно было встретить богато одетых господ и дам, передвигавшихся по городу верхом или на носилках, хотя де ла Брокьер отмечал с горечью, как невелик был эскорт у очаровательной императрицы Марии, когда она ехала во дворец из собора св. Софии. На базарах и морских причалах все еще было полно товаров, здесь можно было встретить венецианских, славянских или мусульманских купцов, которые предпочитали вести свои дела в старом городе, нежели торговать с генуэзцами на противоположном берегу Золотого Рога. Ежегодно в город все еще стекались богомольцы, прибывавшие в основном из России, чтобы помолиться в церквях и поклониться хранящимся там святыням. И государство, насколько это еще было в его силах, продолжало содержать для них гостиницы, так же как и больницы и детские приюты²⁵.

Помимо Константинополя в пределах империи оставался еще лишь один значительный город – Фессалоника, который по-прежнему выглядел процветающим. Это все еще был главный порт на Балканах. Ежегодные ярмарки в Фессалонике собирали торговцев со всего мира. В городе, меньшем по площади чем Константинополь, не были так заметны упадок и запустение.

Однако Фессалоника так и не смогла полностью оправиться от бед, пережитых ею в середине XIV столетия, когда в течение нескольких лет город находился в руках повстанцев, известных под именем зилотов, которые разрушили многие дворцы, купеческие дома и монастыри, прежде чем восстание было подавлено. В конце столетия город захватили турки, хотя впоследствии он на некоторое время опять стал свободным. Мистра на Пелопоннеском полуострове, столица деспота Морей, хотя и гордилась своими дворцом и замком, а также несколькими церквями, монастырями и школами, была больше похожа на деревню, чем на город²⁶.

Эти трагические обломки империи и были тем наследством, которое в 1391 г. получил император Мануил II²⁷. Да и сам Мануил II был фигурой трагической. Его юность прошла среди семейных междоусобиц и войн, во время которых он единственный остался верен своему отцу Иоанну V; однажды ему даже пришлось вызволять отца из долговой тюрьмы в Венеции. Несколько лет юноша вынужден был находиться при дворе турецкого султана в качестве заложника, присягнув ему в верности, и даже стать во главе византийского отряда, чтобы помочь своему сюзерену покорить свободный византийский город Филадельфия. Он нашел утешение в науке, написав среди других занятий для своих турецких друзей небольшую книгу, в которой сравнивал христианство и ислам и которая может считаться образцом в своем жанре.

Это был достойный император. Он великодушно признал соправителем на престоле своего племянника Иоанна VII, сына старшего брата, за что был вознагражден глубокой верностью, которую этот легкомысленный молодой человек сохранял по отношению к нему всю свою недолгую жизнь. Мануил II сделал попытку провести реформу монастырей и улучшить их материальное положение; он пожертвовал Университету все деньги, какие только

²⁵ Ibn Battuta, II, с. 431—432; Gonzales de Clavijo, с. 88—90; Bertrandon de la Broquiere, с. 153; Tafur, с. 142—146. Геннадий, сам константинополец, отмечает, что город обнищал и значительно обезлюдел (Gennad., L, с. 287; IV, с. 405).

²⁶ Taf. 2, с. 273—288; Зак. 2, II, с. 169-172.

²⁷ Прим. ред. – Тем не менее, Константинополь продержался еще 62 года. Если, по аналогии, отсчитывать от даты Октябрьской революции 1917 г. в России, то будет, соответственно, 1979 г. Вот и считай, долго это или нет.

мог выделить. Император понимал политическую необходимость помощи Запада. Крестовый поход против турок в 1396 г., который был начат с благословения двух соперничавших пап и с самого начала обречен на неудачу из-за безрассудства его вождей, проявившегося в битве при Никополе на Дунае, фактически был предпринят скорее в ответ на мольбы венгерского короля, чем на призывы императора Византии²⁸. Правда, в 1399 г. по просьбе Мануила II в Константинополь прибыл со своим отрядом французский маршал Бусико, но это было все, чего византийцам удалось достигнуть. Мануил II был против унии, во-первых, в силу своих искренних религиозных убеждений, которые он достаточно открыто изложил в трактате, написанном для профессоров Сорбонны; во-вторых, потому что слишком хорошо знал своих подданных, чтобы надеяться, что они когда-либо примут ее. Своему сыну и наследнику Иоанну VIII он завещал продолжать переговоры о союзе в благожелательном духе, но стараться не связывать себя обещаниями, которые могут оказаться невыполнимыми. Для своей поездки на Запад в поисках поддержки он выбрал момент, когда папство было дискредитировано Великим расколом; он стремился к контактам со светскими государями, надеясь таким путем избежать давления церкви. Однако, несмотря на то что он произвел на Западе благоприятное впечатление, эта поездка не принесла ему никаких материальных результатов, за исключением небольших денежных сумм, которые принимавшие его хозяева сумели выколлотить из своих не слишком охотно соглашавшихся на это подданных. В 1402 г. император вынужден был поспешить домой после известия о том, что султан движется со своим войском на Константинополь. Его столица была спасена еще до его возвращения, так как в этот момент на владения турок с востока напал татарский эмир Тимур. Однако отсрочка, полученная Византией благодаря поражению султана Баязида в битве при Анкаре, не могла спасти умирающую империю. Сила оттоманских властителей была ослаблена лишь на короткое время. Династические ссоры удерживали их, однако, от нападения еще в течение двух десятилетий. Когда в 1423 г. на Константинополь двинулся султан Мурад II, он вынужден был почти немедленно снять осаду из-за династических интриг и слухов о восстании в его державе²⁹.

Таким образом, вторжение Тимура на целых полстолетия отсрочило падение Константинополя. Но император Мануил в одиночку мало что мог сделать за это время. Он отвоевал обратно несколько городов во Фракии и добился того, что на турецком престоле оказался дружественно настроенный к нему султан. Если бы все имевшиеся в Европе силы удалось сплотить против оттоманских турок, угроза с их стороны еще могла быть ликвидирована. Но для создания коалиций требуются время и добрая воля; ни того, ни другого в тот момент не оказалось. Генуэзцы, опасаясь за свою торговлю, поспешно послали к Тимуру посольство и одновременно предоставили корабли для перевозки разбитых турок из Азии в Европу. В свою очередь, венецианцы, боясь, что генуэзцы их перехитрят, предписали властям своих колоний соблюдать строгий нейтралитет. Папство, будучи в тисках Великого раскола, не могло подавать пример. Светские государи на Западе еще не забыли ужаса поражения при Никополе, и при этом у каждого имелись более близкие для него проблемы. Венгерский король, будучи уверенным, что турецкая угроза миновала, ввязался в интриги в Германии, из которых он вышел германским императором. Константинополю в этот момент вроде бы ничего непосредственно не угрожало. Так стоило ли из-за него беспокоиться?³⁰

В самом Константинополе такого оптимизма отнюдь не разделяли; но, несмотря на ощущение опасности, интеллектуальная жизнь в нем по-прежнему отличалась блеском.

²⁸ Прим. ред. – В 1396 г. османы нанесли при Никополе поражение крестоносцам – соединенной рыцарской армии из разных стран; ее ядро составляли венгерские войска короля Сигизмунда.

²⁹ После того как в 1851 г. появилась работа Берже де Ксивре (Berger de Xivrey), не было издано ни одной обстоятельной биографии Мануила II. См.: Ostr., с. 482—498. Об экспедиции Бусико см.: Delaville Le Roulx.

³⁰ Heyd, II, с. 266—268 со ссылками. См. с. 178, примеч. 28.

Старшее поколение ученых уже ушло. Теперь, кроме самого императора, ведущей фигурой был Иосиф Вриенний – глава Патриаршей академии и профессор Университета. Именно он воспитал последнее замечательное поколение византийских ученых. Вриенний был большим знатоком как западной, так и греческой литературы и помог императору ввести изучение трудов западных ученых в университетскую программу. Он горячо приветствовал приезд студентов с Запада. Энеа Сильвио Пикколomini, будущий папа Пий II, писал впоследствии, что в дни его юности любой итальянец, претендующий на то, чтобы называться ученым, должен был повсюду утверждать, что учился в Константинополе. Но так же как и Мануил, Вриенний был против объединения церквей. Он не мог принять римское богословие и расстаться с византийскими традициями³¹.

Еще более выдающийся ученый, Георгий Гемист Плифон, бывший несколько моложе Вриенния, который примерно в те же годы покинул родной Константинополь и поселился в Мистре под покровительством наиболее образованного из сыновей императора деспота Мореи Феодора II. Там он основал Платоновскую академию и написал целый ряд книг, в которых призывал к перестройке государства на принципах учения Платона; по его мнению, это был единственный путь к возрождению Греческого мира. Он выдвигал различные предложения в социальной, экономической и военной областях, из которых лишь немногие имели практическое значение. В области религии Плифо проповедовал космологию Платона с примесью эпикурейства и зороастризма. Будучи формально православным христианином, он редко обращался к христианству, как таковому, и любил отождествлять Бога с Зевсом. Его религиозные воззрения никогда открыто не публиковались. Рукопись, в которой он их изложил, попала после его смерти и падения Константинополя в руки его старого друга и оппонента в спорах патриарха Геннадия, который читал ее со все возрастающим восхищением и ужасом и в конце концов с неохотой предал сожжению. До наших дней сохранилось только несколько фрагментов рукописи³².

Терминология, которой широко пользовался Плифон в своих трудах, особенно наглядно показывает, как изменился к тому времени Византийский мир. До сих пор византийцы употребляли слово «эллин» (за исключением тех случаев, когда речь шла о языке) только в применении к греку-язычнику в противоположность греку-христианину. Теперь же, когда империя сократилась почти до горстки городов-государств, в то время как Западный мир был полон восхищения перед древней Грецией, гуманисты стали охотно называть себя «эллинами». Официально империя все еще была Римской, однако слово «ромей», которым византийцы раньше всегда называли себя, начало выходить из употребления в образованных кругах, пока наконец термином «ромейский» не стали называть лишь язык простонародья в противоположность литературному. Такой подход возник в Фессалонике, где интеллектуалы очень гордились своим греческим наследием. Так, Николай Кавасилас, уроженец Фессалоники, пишет: «наше сообщество Эллада». Его примеру следуют и многие другие его современники. К концу века к Мануилу уже часто обращаются как к «императору эллинов». Если бы несколько столетий назад какое-либо западное посольство прибыло в Константинополь с верительными грамотами, адресованными «императору греков», его просто не приняли бы при дворе. Теперь же, хотя некоторым традиционалистам и не нравился новый термин и хотя, говоря так, никто не имел в виду, что император отрекся от своих вселенских притязаний, этот термин приживался все больше, напоминая византийцам об их древнегреческом наследии. В эти последние десятилетия своего существования Константинополь был осознанно греческим городом³³.

³¹ Fuchs, с. 73—74; Beck 1, с. 749—750; Pius II, с. 681.

³² О Плифоне см.: Masai.

³³ Runc. 2, с. 27—31.

Мануил II отошел от активной деятельности в 1423 г. и скончался двумя годами позже. Его друг, султан Мехмед I, к тому времени уже умер, и при новом султанине Мураде II Османская держава стала сильной, как никогда прежде. Многие греки восхищались Мурадом, который, будучи преданным мусульманином, слыл добрым, порядочным и справедливым человеком; однако его истинный характер обнаружился в 1422 г., когда он двинулся на Константинополь. И хотя попытка Мурада осадить город окончилась безрезультатно, его натиск на прочие районы империи был так силен, что правитель Фессалоники, третий сын Мануила Андроник, человек психически нездоровый, потеряв надежду удержать город, продал его венецианцам. Но и те не смогли его удержать. В 1430 г. после кратковременной осады город захватили турки. Хотя в последующие годы Мурад и не проявлял агрессивных намерений, нельзя было быть уверенным, что отсрочка продлится долго³⁴.

Старший сын Мануила II, Иоанн VIII, был настолько убежден, что спасти империю может только помощь Запада, что, невзирая на совет отца, решил срочно добиваться унии с Римом. Только западная церковь могла сплотить силы Запада для спасения Византии. Папство к тому времени благодаря движению сторонников примирения оправилось от последствий Великого раскола. Иоанн понимал, что единственная возможность заставить своих подданных принять унию – это утвердить ее на соборе, который, насколько это было возможно, приближался бы по своему представительству к вселенскому. На этот раз западная церковь не могла отвергнуть идею созыва собора, и после долгих переговоров папа Евгений IV предложил императору прислать делегацию на собор, который намечалось провести в Италии. Иоанн предпочел бы, чтобы он проходил в Константинополе, но приглашение принял. Собор открылся в Ферраре в 1438 г., однако в следующем году он был перенесен во Флоренцию, где и прошли его наиболее важные заседания.

Дошедшее до нас подробное описание Флорентийского собора выглядит очень сухо. Прежде всего возникли споры о председательстве. Должен ли быть председателем император, как это было на прежних вселенских соборах? Как следует папе принимать константинопольского патриарха? Было условлено, что будет подвергнута обсуждению проблема правильного толкования канонов вселенских соборов и трудов Отцов церкви, как латинских, так и греческих. Считалось, что Отцы церкви были вдохновленными свыше и поэтому необходимо следовать их указаниям. К сожалению, это вдохновение свыше оказалось явно не в ладах с последовательностью. Отцы часто не соглашались друг с другом, а подчас даже противоречили самим себе. Возникли бесконечные языковые затруднения. Весьма редко удавалось найти для греческих богословских терминов точный эквивалент на латыни; к тому же греческий и латинский варианты канонов, принятых на вселенских соборах, часто не совпадали.

Следует признать, что во время дебатов латиняне выглядели сильнее. Их делегация состояла из высококвалифицированных полемистов, выступавших единой группой, которой присутствовавший на соборе папа всегда мог помочь советом. Греческая делегация являлась менее монолитной. Состав епископов не был представительным, поскольку многие из наиболее влиятельных иерархов отказались от участия в соборе. Чтобы поднять престиж делегации, император возвел в сан митрополитов трех ученых монахов, а именно: Виссариона из Трапезунда – в сан митрополита Никейского, Исидора – митрополита Киевского и всея Руси и Марка Евгеника – митрополита Эфесского. Он включил в состав делегации также четырех философов-мирян: Георгия Схолария, Георгия Амируциса, Георгия из Трапезунда и бывшего тогда уже в преклонных летах Плифона.

Восточным патриархам было предложено назначить своих делегатов из числа присутствовавших на соборе их епископов; те пошли на это неохотно, не желая давать своим пред-

³⁴ Ostr., c. 497—498; Taf., c. 287—288.

ставителям достаточных полномочий. По традициям православной церкви любой иерарх, включая патриарха, считается одинаково просвещенным свыше в понимании догматов веры, а толкование богословских трудов предоставлялось вообще мирянам. Таким образом, каждый участвовавший в дискуссии грек выступал сам по себе. Патриарх Иосиф, добродушный старичок, внебрачный сын болгарского князя и греческой аристократки, не отличался ни глубоким умом, ни крепким здоровьем, и не имел никакого веса. Императору приходилось самому время от времени вмешиваться в дискуссию, чтобы предотвратить обсуждение скользких вопросов, таких, например, как учение о Божественной энергии. Среди греков не было ни согласия, ни какой-либо определенной линии поведения; к тому же все они испытывали денежные затруднения и торопились домой.

В конце концов уния с трудом была принята. Из философов ее одобрили Георгий Схолярый, Георгий Амируцис и Георгий из Трапезунда – все поклонники Фомы Аквинского. Плифон, по-видимому, предпочел уклониться от подписания, поскольку считал латинскую церковь еще более враждебной свободной мысли, чем греческая. Однако во Флоренции он отлично провел время. Его приветствовали как ведущего ученого-платоника, и сам Козимо Медичи основал в его честь Платоновскую академию; таким путем его оппозиция была нейтрализована. Патриарх Иосиф согласился с латинянами, что их формула о Святом Духе, исходящем и от Сына (*filioque*), означает то же самое, что и греческая формула Святого Духа, исходящего чрез Сына. Вскоре он заболел и умер. Один ехидный ученый заметил, что Иосифу как приличному человеку, растерявшему остатки своего престижа, ничего другого и не оставалось.

Виссарион и Исидор, будучи под сильным впечатлением от образованности итальянцев, также согласились с точкой зрения латинян и страстно желали интеграции греческой и итальянской культур. Акт об унии подписали, за одним исключением, все греческие епископы – некоторые, правда, жаловались, что сделали это под давлением со стороны императора. Исключением же был Марк Эфесский, который не подписал бы акта даже под угрозой лишения сана. По своей сути акт об унии, хотя и разрешал определенные обряды греческого богослужения, практически был не чем иным, как утверждением доктрины западной церкви, хотя пункт об отношениях между папами и вселенскими соборами и оставался изложенным несколько туманно³⁵.

Подписать акт об объединении церквей оказалось, однако, намного легче, чем осуществить унию. Когда делегация вернулась в Константинополь, она была встречена там с нескрываемой враждебностью. Вскоре Виссарион, несмотря на большое уважение, которым он пользовался, счел за благо удалиться в Италию, где к нему затем присоединился и Исидор, яростно отвергнутый русскими. Восточные патриархи не признали себя связанными подписью своих делегатов. Императору с трудом удалось найти кандидата на престол константинопольского патриарха. Его первый избранник очень скоро умер. Следующий, Георгий Маммас, возведенный в патриархи в 1445 г., мрачно пребывал на своем посту в течение шести лет, бойкотируемый почти всем клиром, а затем также предпочел более благожелательную атмосферу Рима. Марк Эфесский был лишен сана, однако народ именно его считал главой церковной иерархии. Что касается философов, то Георгий из Трапезунда уехал в Италию, а Георгия Схолария стали одолевать сомнения – скорее по политическим, нежели религиозным, соображениям. Оставаясь приверженцем схоластической школы, он, однако, решил, что уния не в интересах греков, и постригся в монахи под именем Геннадия. Марк Эфесский до самой смерти был признанным лидером противников унии. Георгий Амируцис

³⁵ См.: Gill. Это превосходная, объективная работа, хотя, как мне кажется, автор не всегда хорошо понимает точку зрения греков. О язвительных замечаниях Геннадия по поводу грамматических ошибок, допускаемых патриархом, см.: Gennad., III, с. 142.

пошел еще дальше и стал изыскивать возможности установления взаимопонимания с исламом. Сам император испытывал сомнения, правильно ли он поступил. Не собираясь отречься от унии, он тем не менее под влиянием своей матери, вдовствующей императрицы Елены, не торопился проводить ее в жизнь. Все это принесло умирающему городу только новые раздоры и печали³⁶.

Если бы вслед за провозглашенной унией последовал удачный поход против турок, она, возможно, и получила бы постепенно признание. В 1440 г. папа Евгений действительно провозгласил Крестовый поход против турок. Ему удалось в конце концов собрать против них армию, состоявшую главным образом из венгров, которая в 1444 г. переправилась через Дунай. Однако папский легат, кардинал Чезарини, заставив военного руководителя похода, трансильванского воеводу Яноша Хуньяди, нарушить торжественный договор с султаном на том основании, что клятвы, данные неверным, нужно считать недействительными, затем разошелся с ним в вопросах стратегии. Султану Мураду не составило большого труда разгромить силы крестоносцев под Варной, на берегу Черного моря³⁷.

Многим западным историкам представляется очевидным, что, отвергая унию, византийцы бессмысленно и упрямо шли на самоубийство. Следует, однако, иметь в виду, что простой народ под влиянием монахов был глубоко и страстно предан своей вере, ее обрядам и традициям, которые считались ниспосланными свыше; измена им была смертным грехом. Это был век глубокой религиозности. Византийцы не сомневались в том, что их земная жизнь – только прелюдия к грядущему вечному бытию. Купить себе безопасность здесь, на земле, ценой вечного спасения – об этом не могло быть и речи. Среди них отмечалась и склонность к фатализму. Если на них надвигается катастрофа, то это – кара Божья за преступления. Византийцы были пессимистами. Во влажном, меланхоличном климате Босфора природная веселость их греческих предков увяла³⁸. Даже во времена процветания империи шепотом передавали друг другу предсказания о том, что империя не вечна. Рассказывали, например, что на разбросанных по городу камнях и в старинных книгах мудрецы прошлых времен начертали полный перечень императоров, который теперь подходит к концу. Царство антихриста уже грядет; даже тех, кто был убежден, что Богородица никогда не допустит, чтобы посвященный ей город попал в руки неверных, становилось все меньше. Союз же с еретическим Западом не может принести спасения или как-то изменить судьбу³⁹.

Можно подобные набожные суждения считать проявлением невежества и ограниченности. Однако среди византийцев были и мыслящие политические деятели, которые тоже сомневались в преимуществах унии. Многие из них не без оснований считали, что Запад никогда не сможет или не захочет оказать помощь, достаточную для того, чтобы противостоять гораздо лучше организованной военной силе турок. Другие же, главным образом церковники, опасались, что уния приведет к еще большему расколу. Не сочтут ли греки, которые так долго боролись против преследований франкских правителей за свою целостность, что их предали? Все больше и больше греков подпадало под власть турок, и их единственной связью с Константинополем оставалась только церковь. И если константинопольская патриархия подчинится Западу, последуют ли за нею церковные общины, оказавшиеся под турками, которые, безусловно, этого не одобряют? Будут ли готовы присоединиться к унии

³⁶ Gill, с. 349 и сл. Впоследствии вдовствующая императрица, по-видимому, пересмотрела свое отрицательное отношение к унии; см.: Lambros 3, I, с. 59, 125 (письма Иоанна Евгеника).

³⁷ См. с. 179, примеч. 36.

³⁸ Прим. ред. – Непонятно. Практически в том же климате «расцвела» природная веселость некоторых других народов – например, турок. Да и предков византийцев, основавших империю еще в IV в.

³⁹ См.: Diehl; Vas. 2. Джилл полагает, что Геннадий и его друзья верили в приближение конца света. Мне кажется, что автор слишком буквально понимает их искреннюю, фатальную убежденность в неизбежности прихода царствия антихриста, каковым они считали султана (Gill, с. 378).

православные церкви стран Кавказа, Дуная, а также России? Братские восточные патриархии уже открыто высказали свое неодобрение. Так можно ли рассчитывать на то, что православные христиане, считающие своим главой византийского патриарха, но независимые от империи, подчинятся западной церкви только ради спасения империи?

Хорошо было известно, например, что русские ненавидят латинскую церковь как церковь своих польских и скандинавских врагов. Из меморандума 1437 г. мы знаем о том, что из 67-ми епархий, подчинявшихся константинопольскому патриарху, только восемь осталось во владениях самого императора и еще семь в Морейской деспотии⁴⁰. Это означало, что уния с Римом вполне могла стоить патриарху потери более трех четвертей его епископств. Таков был веский аргумент в добавление к естественному нежеланию византийцев жертвовать своей религиозной свободой.

Лишь немногие государственные деятели были способны предвидеть дальнейшие события. Византия в глазах любого беспристрастного наблюдателя была обречена. Единственная возможность воссоединить греческую православную церковь, а вместе с ней и греческий народ, заключалась скорее всего в том, чтобы признать зависимость от турок, в которую и так уже попало большинство греков. Только таким путем можно было воссоединить православную греческую нацию и возродить ее в такой степени, чтобы со временем у нее набралось достаточно сил для свержения ига неверных и воссоздания Византии.

За небольшим исключением, никто из греков не потерял достоинства настолько, чтобы добровольно подчиниться телом неверным и тем более душою – латинянам. Так, может, мудрее было бы сделать первое, с тем чтобы избежать второго? Единство греческой нации легче было бы сохранить народу, объединенному под господством мусульман, нежели его части, присоединенной к окраине Западного мира. Фраза, приписываемая последнему первому министру Византии Луке Нотарасу: «Лучше тюрбан султана, чем шапка кардинала», на самом деле не была такой шокирующей, какой кажется сначала⁴¹.

Находившимся в Италии Виссариону и его друзьям-гуманистам, делавшим все, что в их силах, для того чтобы добиться помощи соотечественникам, царившие в Константинополе настроения казались дикими, неумными, ограниченными. Они были убеждены, что союз с Западом принесет Византии такой прилив новых культурных и политических сил, что она снова сможет встать на ноги. И разве они не были правы?⁴²

По возвращении из Италии император Иоанн VIII прожил еще девять довольно печальных лет. Вернувшись, он узнал, что обожаемая им императрица Мария Трапезундская умерла от чумы. Детей у него не было. Братья его проводили время либо в непрерывных междоусобицах на Пелопоннесе, либо в интригах против него во Фракии. Из всей своей семьи он мог довериться лишь престарелой матери, императрице Елене, но и она не одобряла его политики. Император делал все возможное, чтобы терпимостью и тактом поддерживать мир в своей раздираемой противоречиями столице. Все средства, которые могло выделить государство, он предусмотрительно тратил на укрепление сухопутных городских стен, чтобы быть готовым к неизбежному турецкому нашествию. Смерть пришла к нему как избавление 31 октября 1448 г.⁴³.

⁴⁰ *Terre hodiernae Graecorum*, с. 360.

⁴¹ *Ducas*, XXXVII, с. 329; *Zoras*, с. 9-70. см. ниже, с. 73.

⁴² Прим. ред. – Крестоносцы Запада, полностью разгромившие и разграбившие Константинополь в 1204 г., дали такой «прилив культурных и политических сил», что мало не показалось. Помнили это византийцы.

⁴³ О событиях после смерти Иоанна VIII см. с. 57-58. О восстановлении стен см. с. 86-87 и *Van Mil*. 2 (автор называет императора Иоанном VII, а не VIII). Часть восстановительных работ была осуществлена на средства деспота Сербии Георгия Бранковича.

Глава II. Подъем султаната

В лучшие времена своего великого прошлого благополучие Византии было связано с ее господством над Анатолией. Громадный полуостров, известный в древности как Малая Азия, во времена римлян был одним из наиболее населенных мест мира.

Упадок Римской империи, сопровождавшийся мором от чумы и малярии, а затем персидское и арабское нашествия в VII—VIII вв. значительно сократили население Малой Азии. Лишь в IX в. на полуостров вернулось спокойствие. Хорошо продуманная система защиты границ уменьшила опасность вражеских нападений. Восстановилось земледелие, найдя рынок сбыта для своей продукции в Константинополе и в процветающих приморских городах. Богатые долины на западе полуострова изобиловали оливковыми рощами, фруктовыми садами и посевами зерновых. В нагорных районах паслись многочисленные стада и отары, а там, где возможно было орошение, простирались богатые поля кукурузы⁴⁴.

Политика византийских императоров была направлена против крупного землевладения; они предпочитали, чтобы земля находилась в руках сельских общин, которые в качестве арендной платы за землю поставляли солдат для императорской армии или местной милиции. Власть центрального правительства проявлялась лишь в частых инспекциях, а также в выплате из имперской казны жалованья провинциальным чиновникам.

Благополучие империи во многом зависело от хорошей охраны ее границ. В пограничных областях, как правило, образ жизни населения был в основном иным, чем в центре империи. Охрана границ была возложена на местное военное сословие – так называемых *акритов*, вся жизнь которых состояла в рейдах на территорию врага или в отражении его нападений. Это были независимые, не признающие законов воины, противившиеся любой попытке правительства установить над ними какой-то контроль, не желавшие платить налоги – скорее наоборот, ожидавшие награды за свою службу. Они притягивали к себе всевозможных искателей приключений, поскольку в этой дикой местности жизнь мало походила на оседлую, а население не было однородным (за исключением районов, где обосновались и поддерживали свои традиции армяне).

Военные действия на границе, по сути дела, шли постоянно независимо от того, существовал ли официально мир между правительствами Византии и Халифата; однако предводители пограничных отрядов не были заклятыми врагами своим противникам по ту сторону границы, которые вели такой же образ жизни. Пограничные мусульмане были, пожалуй, несколько более ортодоксальны в вопросах религии; тем не менее их фанатизм не мешал взаимному общению сторон и даже бракам между ними. Ни по ту, ни по эту сторону границы официальная религия не была очень популярна. Многие акриты принадлежали к самостоятельной армянской церкви, и почти все они охотно давали приют еретикам; в то же время еретики-мусульмане тоже всегда могли укрыться у мусульманских пограничных правителей⁴⁵.

На некоторое время эта система была нарушена из-за упадка Халифата и новых захватнических устремлений Византии.

Начиная с середины X столетия армии империи постепенно отвоевали обратно у арабов обширные пограничные территории, особенно в Сирии. Теперь граница проходила не по

⁴⁴ Прим. ред. – Ошибка. Кукурузу (маис) завезли в Европу из Америки в конце XV в. Откуда она взялась в Малой Азии до плавания Колумба? Возможно, ошибся переводчик.

⁴⁵ Краткое изложение жизни акритов со ссылками на источники см.: Vas. 1, с. 369—371.

диким горным массивам, а через освоенные, густонаселенные земли. Их защиту стало возможным поставить под контроль официальных правительственных чиновников, имевших резиденции в Антиохии или в каком-либо другом из отвоеванных городов. В старой пограничной страже из акритов уже не было необходимости, и предводители акритов занялись тем, что стали вкладывать добытые в прежних стычках и рейдах богатства в приобретение земель по всей Анатолии. Однако они по-прежнему оставались гордыми и независимыми, окружая себя целым войском приверженцев, в которое шли главным образом бывшие свободные крестьяне завоеванных (часто незаконно) акритами деревень. Эти предводители и сформировали ядро той земельной аристократии, чья мощь в середине XI в. сильно пошатнула правительство империи. В то же время центральная администрация стремилась установить контроль над пограничными территориями Армении к северу от границы, а затем официально аннексировала эти обширные провинции, распространив на них ненавистную византийскую систему налогообложения и власть византийского духовенства. Сопrotивление, которое вызвали эти действия, в значительной степени ослабило способность Византии оборонять свои рубежи⁴⁶.

Теперь же Византии стал угрожать народ, с которым ее отношения были до сих пор обычно дружескими. За несколько предыдущих веков обширная Туркестанская равнина постепенно высыхала, и тюркские племена двинулись на запад в поисках новых земель. Византия еще в VI столетии поддерживала контакты с тюрками Средней Азии и была хорошо знакома с тюркскими племенами, ушедшими кочевать в русские степи; с коварными, исповедующими иудаизм хазарами, две княжны которых стали женами византийских императоров; с дикими печенегами и половцами, которые время от времени совершали набеги на территорию империи, но еще чаще охотно посылали свои отряды для службы в императорских войсках. Многим из этих наемников было затем разрешено остаться жить в пределах империи, главным образом в Анатолии, где они принимали христианство. Но наиболее активное тюркское племя огузов стало кочевать через Персию в направлении Арабского халифата.

Так же как у императора, у халифа тоже появились войска тюрок, только принявших мусульманство. По мере того как мощь халифов убывала, их тюркские вассалы усиливались. Первый исторически известный тюрк-мусульманин Махмуд Газневи образовал на востоке сильное государство, простиравшееся от Исфагана до Бухары и Лахора. Однако после его смерти главенство среди тюрок перешло к огузскому вождю из рода Сельджуков. Потомки этого полумифического вождя приобрели власть над тюрками, находившимися на территории Халифата, и иммигранты из Туркестана также с готовностью признали свою зависимость от них. К 1055 г. глава сельджуков Тогрул-бей не только основал свое государство, включавшее Персию и Хорасан, с примыкавшими к нему на севере удельными княжествами его родных и двоюродных братьев, но и был приглашен халифом из Аббасидов в Багдад для временного управления его владениями⁴⁷.

Приглашение халифа было продиктовано его страхом перед соперничающим с ним халифатом Фатимидов⁴⁸ в Египте, которые уже подчинили своему контролю большую часть Сирии. Фатимиды были в хороших отношениях с Византийской империей, и сельджукские князья стремились предотвратить возможные действия византийцев на северной границе Халифата в поддержку нападения Фатимидов. К этому времени множество мелких тюркских князьков уже осели со своими подданными на границах с Византией и, играя роль пограничной стражи, совершали набеги всякий раз, как только для этого предоставлялась

⁴⁶ Ом.: Laurent J., с. 27—44.

⁴⁷ См.: Houtsma, с. 828—829.

⁴⁸ Прим. ред. — Иногда можно встретить «Фатымиды».

возможность. Преемник Тогрула, его племянник Алп Арслан, вознамерился устранить всякую опасность нападения со стороны Византии. Он захватил и разграбил старую столицу Армении Ани и усиленно поощрял свою пограничную стражу к новым набегам. В качестве контрмеры Византия присоединила к своим владениям последнее независимое армянское царство.

Однако ее гарнизоны не были достаточно сильны для того, чтобы помешать набегам, поскольку акритов, которые могли их сдерживать, тогда уже не было. В 1071 г. император Роман Диоген решил, что для обеспечения безопасности границы необходимо предпринять военную экспедицию. Проведенная перед этим кампания по экономии значительно сократила имперскую армию, и теперь император во многом зависел от наемников, часть которых составляли выходцы из Западной Европы, но гораздо большее число было из тюрок (половцев).

Алп Арслан находился в Сирии, где он воевал против Фатимидов, когда до него дошла весть о византийской экспедиции. Он усмотрел в этом возможность образования коалиции Фатимидов с Византией и поспешил на север, чтобы ей воспрепятствовать. Интересно, что в этой кампании, последствия которой оказались столь важными для мировой истории, каждая из сторон считала себя обороняющейся.

Решающее сражение произошло в пятницу 19 августа 1071 г. около города Манцикерт. Роман был человеком храбрым, но неважным полководцем; к тому же его наемные войска были крайне ненадежны. Его армия была наголову разбита, а сам он попал в плен⁴⁹.

Алп Арслан, удовлетворенный тем, что Византия более не угрожает его флангу, освободил на довольно легких условиях своего царственного пленника и вернулся к более серьезным заботам в Сирии. Но у его пограничных предводителей были совсем другие планы. Оборонительные укрепления на византийской стороне были разрушены, а следовавшие один за другим политические кризисы в Константинополе исключали всякую попытку заняться их восстановлением. Некоторые из оставшихся акритов, в большинстве своем армян, оказались без всякой связи со столицей, и они поспешили укрыться в уединенных крепостях. Турецкие князьки усилили набеги, а затем, встретив лишь незначительное сопротивление, стали оседать в тех районах, куда им удалось проникнуть, и осваивать их вместе со своими приверженцами и другими тюркскими племенами, прослышавшими про эти богатые земли, которые некому было защищать⁵⁰.

Некоторое время спустя мусульманские пограничные стражи получили название *гази* («борец за веру»), приблизительно соответствующее европейскому понятию «рыцарь-крестоносец». Очевидно, гази имели какие-то знаки отличия и были связаны присягой своему господину — быть может, даже халифу. Они повиновались *футувве* — мистическому моральному кодексу, сложившемуся в X—XI вв. и принятому различными обществами и корпорациями мусульманского мира. Турецкие гази были прежде всего воинами-завоевателями, которые вовсе не желали подчиняться какой-то организованной власти. Захватывая по мере своего продвижения новые земли, они властвовали на них так же, как и в своих пограничных уделах, весьма мало вмешиваясь в дела местного населения, которое даже стало видеть в них защитников от набегов других; финансовыми средствами для своего правления им служила добыча от набегов. В пограничных районах, где такие порядки существовали в течение веков, приход гази встречал лишь незначительное сопротивление, хотя, возможно, они и вынудили часть христиан уйти в более безопасные места. В целом же население уже к приходу тюрок было смешанным и нестабильным, и их появление мало изменило общую картину. Но по мере их дальнейшего продвижения по Малой Азии ситуация стала меняться.

⁴⁹ Laurent J., с. 45-59; Cahen I, с. 613—642.

⁵⁰ Laurent J. с. 61—101; Cahen 4.

В некоторых районах христианское население бежало, оставив тюркам свои земли; в других отдельные города и селения христиан пытались защищаться, но, оказавшись изолированными, были вынуждены покориться власти пришельцев. В результате набегов дороги и мосты, колодцы и оросительные каналы довольно скоро пришли в запустение. Старая экономическая система рушилась⁵¹.

Не встречая организованного сопротивления, газы оказались в состоянии завоевать весь полуостров, оставив в руках Византии лишь несколько прибрежных районов. Такое положение просуществовало до тех пор, пока император Алексей Комнин не реорганизовал империю, возродил армию и с помощью дипломатии сумел натравить одних вождей газы на других. Тем временем Сельджукская династия, обеспокоенная царящим в Анатолии хаосом, направила туда одного из своих младших членов, с тем чтобы на завоеванных землях основать исламское государство. Осуществлению этих планов предводителя турок-сельджуков Сулеймана и его сына Кылыдж Арслана помешали военные и дипломатические усилия императора Алексея Комнина, а также помощь, которую оказали Византии участники Первого Крестового похода. В начале XII в. граница между Византией и землями, уже принадлежавшими туркам-сельджукам, была зафиксирована по довольно неровной линии, отделявшей плодородные долины Западной Анатолии и прибрежные районы на севере и юге от центральных горных плато. Сельджукские правители, однако, не придавали слишком большого значения своим отношениям с Византией; гораздо важнее для них было добиться подчинения предводителей газы, особенно крупного клана Данишмендов. Они также внимательно следили за обстановкой на востоке, там, где находился центр могущества их династии.

Упадок Византии к концу XII в. и неудача Четвертого Крестового похода позволили султанату Сельджуков расширить свои владения. В первой половине XIII в. сельджукские султаны Рума, как их обычно называли, поскольку их государство находилось в центре бывших римских и византийских (ромейских) территорий, были уважаемыми и могущественными фигурами мусульманского мира. Им удалось подчинить своему влиянию предводителей газы. Они, как правило, поддерживали добрые отношения с византийскими соседями — императорами Никеи, отказались от своих притязаний на востоке и сосредоточились на управлении своим хорошо организованным и мирным государством со столицей в Конии. Они возрождали города и приводили в порядок дороги, поощряли искусство и образование. Благодаря их мудрому и умелому правлению превращение Анатолии из в основном христианской в преимущественно мусульманскую страну было достигнуто сравнительно спокойно — настолько, что никому не пришлось в голову зафиксировать детали этого события⁵².

Благодатному правлению Сельджуков положили конец монгольские нашествия. Сначала в Малой Азии появились тюркские племена, откатившиеся под натиском монгольских армий. Они обосновались на западной границе султаната, где присоединились к газы, раздраженным сельджукским контролем. В 1243 г. в страну вторглись сами монголы. Сельджукский султан потерпел от них сокрушительное поражение, от которого его государство так никогда и не оправилось. Начиная с этого времени он сам и его потомки стали вассалами и данниками монгольского правителя в Персии ильхана, а их власть и авторитет померкли. Менее чем за одно столетие эта династия прекратила свое существование⁵³.

Упадок Сельджукского султаната постепенно освободил предводителей пограничных газы от какого-либо контроля. К ним все больше стекались спасавшиеся от монголов беженцы, должностные лица из сельджукских городов, крестьяне из разоренных или задав-

⁵¹ Wit. 2, с. 18-20; Koprulu, с. 101-107; Cahen 1, с. 138—139.

⁵² Cahen 3, с. 675—680.

⁵³ Cahen 2, с. 690—692, 725—732.

ленных непосильными налогами областей, святые шейхи и дервиши, многих из которых твердые последователи канонов ислама считали еретиками, однако чей религиозный фанатизм вполне подходил к царившей на границе атмосфере. Этот фанатизм и монгольское давление в равной степени толкали их к нападению на христиан. Вначале это было не так просто: никейские императоры позаботились об охране границы, восстановили отряды акритов, которых они на этот раз держали под своим контролем⁵⁴.

Блестящий успех византийцев – отвоевание Константинополя в 1261 г. – имел, однако, и отрицательные стороны. Отныне империя была глубоко вовлечена в европейские дела, испытывая угрозу со стороны не только балканских государств, но и Запада, жаждавшего отомстить за уничтожение Латинской империи. В результате ей пришлось значительную часть войск азиатских гарнизонов перебросить на запад. Сокращение в целях экономии расходов на флот ослабило защиту с моря. Необходимость платить по новым обязательствам привела к усилению налогового бремени по всей территории империи. Акриты фактически не получали ни жалованья, ни поддержки. В течение последних трех десятилетий XIII в. отряды гази начали проникать через границу. Скопившись на своей стороне границы, турки, подстрекаемые религиозной верхушкой, хлынули наконец в жажде военной добычи на оставшиеся азиатские владения Византии. Предпринимавшиеся время от времени попытки императорской армии отбросить их оказались безуспешными. Наиболее предприимчивые из турецких правителей, такие, например, как эмиры Ментеше и Айдына, нападали не только на суше, но и с моря. Византийский же флот был слишком слаб, чтобы предотвратить захват ими некоторых островов и прибрежных районов Западной Анатолии. К 1300 г. все, что осталось у Византии в Азии, не считая одного-двух изолированных городов, были равнинная часть между горой Олимп в Вифинии и Мраморным морем, полуостров, протянувшийся от Босфора до реки Сангарий, да прибрежная полоса на Черном море на сто миль к востоку.

Вначале первенство в этих завоеваниях принадлежало эмирату Ментеше, расположенному на юго-западе Малой Азии. Однако его мощь была ослаблена после того, как рыцари-госпитальеры⁵⁵ захватили остров Родос и укрепились на нем. Гегемония перешла к эмирам Айдына, первыми из азиатских турок начавшим набег на европейское побережье Эгейского моря. Потребовались объединенные усилия Венеции, Кипра и госпитальеров, чтобы воспрепятствовать их дальнейшему продвижению. К северу от Айдына утвердились эмиры Сарухана, центром владений которых стала Маниса, или Магнисия, еще в недавнем прошлом вторая столица никейских императоров; далее к северо-западу шли владения эмиров Караши (Карасу), захвативших Троянскую равнину. На черноморском побережье, в районе Синопа, был основан эмират Гази Челеби, прославившегося своими пиратскими рейдами. Во внутренних районах находилось несколько мелких эмиратов, а также два более крупных – Караман и Гермиян; оба эмира считали себя преемниками Сельджуков и были полны решимости установить в своих владениях твердую государственную власть, распространив ее и на гази. Правда, караманские эмиры, захватившие в 1327 г. Конью, находились слишком далеко от границы, чтобы подавить тамошних гази. Эмиры Гермияна со столицей в Кютахии сами отказались от звания гази, однако попытались подчинить себе соседних предводителей гази, многие из которых по своему происхождению были из гермийских военачальников. Их усилия в общем увенчались успехом: все эмираты, расположенные по Эгейскому побережью и вдоль границы с Византией, за исключением одного, относились к ним с вниманием и почтением, хотя, по существу, так и не признали их сюзеренитета⁵⁶.

⁵⁴ Wit. 2, с. 25—32; Wit. 1, с. 1—14.

⁵⁵ Прим. ред. – Орден Иоаннитов.

⁵⁶ Wit 2, с. 34—37; Wit. 1, с. 15—23; Lemerie, с. 1—39.

Исключением же было небольшое государство, образовавшееся во второй половине XIII в. на пограничных землях, простиравшихся к востоку от Олимпа Вифинского. Его основателем был Эртогрул, умерший в 1281 г., которому наследовал его сын Осман. Происхождение Османской (или Оттоманской, как впоследствии ее стали называть) династии искажено и украшено легендами, созданными уже после ее возвышения. Известен список из 21 предка Османов, восходящий к Ною, а позднее к этому перечню было добавлено еще 31 имя, дабы сделать его хронологически более убедительным. Генеалогическая линия Османов проходит через легендарного героя Огузхана, родоначальника турок-огузов, его сына Гек Алпа и внука Чамундура, иначе, Чавулдура, который, согласно другим легендам, являлся одним из 24 внуков Огуза, от которых и произошли 24 главных огузских племени. Правда, в конце XIII в. в состав Оттоманского государства вошли еще и чаудуры – отдельное племя, вначале враждебно относившееся к оттоманскому лидерству. Другая из легенд, возвеличивающих Османов, ведет ее основание от старшего внука Огуза, Кайи, сына Гунхана, делая, таким образом, Османов ветвью старшего племени огузов. Однако это предание появляется только в XV в., когда уже была повсеместно принята легенда о происхождении от Гёк Алпа. В XV в. придворные льстецы еще более усложнили проблему, добавив династии и арабских предков. Впрочем, Османы никогда всерьез не претендовали на происхождение от самого пророка Мохаммеда, поскольку родословная его потомков была слишком хорошо известна⁵⁷. Султан-Завоеватель Мехмед II, стремясь поразить своих подданных, как турок, так и греков, поддерживал версию о том, что его семья якобы происходит от принца императорского дома Комнинов, который эмигрировал в Конью, принял там ислам и женился на сельджукской княжне⁵⁸.

До нас не дошло ни одного достоверного доказательства какой-либо из этих теорий. Непредвзятый историк придет к заключению, что Эртогрул был не главой племени, а скорее всего энергичным предводителем темного происхождения, который сумел дойти со своими людьми до границы и, собрав по мере продвижения вокруг себя достаточное количество приверженцев, основать эмират. Основным преимуществом захваченной им территории было ее географическое положение. Для оправдания своего существования отряды гази должны были совершать набеги, продвигаясь в глубь территории неверных. Однако к концу XIII в. почти все эмиры гази уже достигли пределов Малой Азии. Византийцы ушли; на пути дальнейшего продвижения стояло море. И хотя некоторые предприимчивые пираты, такие, как эмиры Айдына и Синопа, могли совершать удачные рейды на вражеские берега, ни у кого из них не было достаточно судов, чтобы всерьез думать о переброске значительного количества людей и основании поселений за морем. Кроме эмиратов, расположенных далеко на востоке, на границах с Трапезундской империей, только территория, унаследованная Османом, еще граничила с землями неверных. Поэтому именно в его владения устремились теперь наиболее предприимчивые из турок: гази, жаждавшие найти новые богатые земли, на которые еще можно было совершать набеги; дервиши и знатоки ислама, стремившиеся уйти подальше от ненавистных монголов; а также большая масса кочевников-крестьян, все еще продолжающих поиски мест, где они могли бы обосноваться со своими стадами. Таким образом, Осман в своем небольшом по размеру эмирате оказался более чем щедро обеспеченным людскими ресурсами.

Не будь Осман гениальным вождем, иммигранты, возможно, просто поглотили бы его. Нам очень мало известно о его отношениях с ними. Знаменательно, что старейшая из дошедших до нас записей, в которых оттоманский правитель называет себя султаном, – надпись,

⁵⁷ Wit. 2, с. 4—15; Koprulu, с. 82—88.

⁵⁸ Не так уж невероятно, как это полагает Кёпрулю, что у династии Османов могли оказаться предки как из Сельджукидов, так и Комнинов; но если это справедливо, то последние, вероятно, появились позднее, в результате брака Баязида I с одной гермянской княжной.

сделанная сыном Османа Орханом на одной мечети в Брусе, – приводит следующий титул: «Султан, сын султана гази, гази, сын гази, правитель пограничных земель, простирающихся до горизонта, герой всего мира»⁵⁹. То есть, Осман утверждал свой авторитет как верховный предводитель гази. В то время как другие эмиры гази, не находившие возможности экспансии в новые земли, стали драться друг с другом, Осман предлагал героическую долю «борца за веру» каждому, кто вставал под его знамена.

Византийская империя не могла игнорировать подобный вызов. Весьма возможно, что наиболее мудрым решением для нее было бы немедленно эвакуировать все войска из Анатолии, оставив эту страну Осману, и сосредоточить все усилия на морском флоте, достаточно сильном, чтобы предотвратить любую попытку пересечь проливы и высадиться на европейской стороне. После того как Осман убедился бы, что его экспансия блокирована с моря, эмират, возможно, тоже стал бы клониться к упадку, а его подданные рассеялись бы в поисках других земель. Однако ожидать от византийцев такой предусмотрительности и здравой оценки ситуации было никак нельзя. Поначалу в Константинополе на Османа вообще не обращали серьезного внимания; войска империи отправлялись не против него, а против эмиров Айдына и Манисы, с которыми они и воевали без больших успехов в последние десятилетия XIII в. Османа приняли всерьез только тогда, когда в 1301 г. он одержал победу над византийскими войсками при Вафее, между Никеей и Никомидией, и начал заселять своими людьми земли к северу от г. Олимп. Византийцы не могли пассивно наблюдать за мусульманской оккупацией их последних владений в Азии – земель, которые были видны из самой столицы. Однако их отпор был плохо организован и неэффективен. В 1305 г. каталонцы, которых император Андроник II привлек в свою армию в качестве наемников, нанесли Осману поражение при Левке. Однако вскоре они сами восстали против императора и вовлекли империю в десятилетнюю гражданскую войну. В результате за эти годы многие турецкие воины, нанимаемые то императором, то каталонцами, неоднократно переправлялись через Дарданеллы туда и обратно, а Осман сумел упрочить свою власть над территорией, простиравшейся вплоть до Мраморного моря. Он также возглавил несколько турецких походов, не касавшихся непосредственно его эмирата. В 1308 г. его войска сыграли главную роль в захвате последнего оставшегося у Византии города на побережье Эгейского моря — Эфеса, который, однако, затем был передан айдынскому эмиру. В следующие несколько лет Осман захватил византийские города на берегу Черного моря от Инеболу до Сангария.

В Византии за изгнанием каталонцев последовал целый ряд династических гражданских войн, и на границе с Османом оставалось совсем немного сил. Его войска состояли главным образом из кавалерии; осадных машин у него не было. Для того чтобы взять укрепленный город, Осман обычно молниеносным ударом захватывал его окрестности, изгоняя или обращая местных крестьян в невольников, и заселял их земли своими людьми. Город оказывался, таким образом, отрезанным от источников снабжения и, если к нему на помощь не приходили войска, был вынужден сдаться под угрозой голодной смерти. Теперь он сосредоточил свои силы вокруг Бурсы, расположенной на северных склонах Олимпийского хребта. Этот город, имевший мощные естественные оборонительные рубежи, по своему географическому положению прекрасно подходил для того, чтобы стать базой для ведения военных действий по всему побережью Мраморного моря. Фортификационные укрепления и плодородные земли под городскими стенами позволили Бурсе сопротивляться десять лет. Однако император был не в состоянии послать ей подмогу, и осенью 1326 г. голод принудил город сдаться. Известие об этом застало Османа уже на смертном одре; несколько дней спустя, в ноябре того же года, он умер. Блестяще использовав благоприятную обстановку,

⁵⁹ Wit. 2, c. 14—15.

Осман превратил незначительный пограничный эмират в могущественнейшее из государств турок, вонзив его в христианский мир, подобно копьёу гази⁶⁰.

У Османа были удачные дети. Его трон наследовал старший сын Орхан. Согласно преданию, он по турецкой традиции предложил разделить с ним власть своему брату Алаэддину, но тот благородно отказался, настаивая на том, что власть монарха должна быть единой, и стал верным подданным брата. Орхан унаследовал от отца также и способного везира, которого тоже звали Алаэддин. Теперь уже невозможно определить, кому было обьязано Оттоманское государство своим удивительным прогрессом — самому монарху или его везиру. Как и его отец, Орхан был вождем гази, поклявшихся покорить неверных. В 1329 г. ему сдалась историческая Никея, которая, как и Бурса, в течение многих лет была отрезана от всего мира. Император Андроник III и его первый министр Иоанн Кантакузин пытались ее спасти, однако после сражения с неясным исходом недовольство, возникшее в войсках, и плохие известия из Европы принудили их отказаться от этого. Следующей целью Орхана был крупный морской порт Никомидия. Город сопротивлялся ему девять лет, получая с моря припасы и подкрепления. Только в 1337 г., после того как Орхану удалось блокировать узкий залив, на котором был расположен город, Никомидия была вынуждена сдаться. Завладев Никомидией, султан, как теперь называл себя Орхан, сумел оккупировать всю страну почти вплоть до Босфора⁶¹.

Византии в это время постоянно доставляло хлопоты усилившееся сербское королевство Стефана Душана; в довершение в 1341 г. разразилась междоусобная война между Иоанном Кантакузином и регентами, правившими от имени малолетнего императора Иоанна V. Незадолго перед этим византийские полководцы стали брать наемников из различных тюркских племен, несмотря на их неисправимый обычай опустошать и грабить земли, по которым они проходили. Люди Орхана были наиболее дисциплинированными и боеспособными из турок. И в то время как сторонники Иоанна V завербовали наемников в Манисе и Айдыне, Иоанн Кантакузин добился в 1344 г. поддержки Орхана, отдав ему в жены свою дочь Феодору; взамен султан послал сражаться на его стороне во Фракию 6 тыс. солдат. Завоевав трон, Кантакузин продолжал использовать оттоманские войска в войнах против сербов. Когда же эти войны закончились, многие из турок уже осели во Фракии⁶².

Свержение Иоанна Кантакузина с престола в 1355 г. дало наконец Орхану желанный предлог для того, чтобы вторгнуться в Европу, преследуя уже собственные цели. В 1356 г. армия султана под командованием его сына Сулеймана переправилась через Дарданеллы. За один год турецкие войска захватили Дзориллос (Чорлу) и Дидимотихон и продвинулись к Адрианополю, намереваясь захватить и его. Так же как и в период его завоеваний в Азии, султан поощрял своих соплеменников следовать за вождями гази и сразу же обосновываться на захваченных землях. Когда Орхан умер (по-видимому, в 1362 г.), турки уже были хозяевами Западной Фракии. Султан также значительно расширил свои владения в Азии, однако не столько силой оружия, сколько благодаря добровольному желанию турок, осевших на других землях, войти в состав столь преуспевающего государства гази. Он, очевидно, присоединил к своим владениям эмираты Сарухан и Карасу на северо-западе. Эмират Гермиян клонился к упадку, и султан смог подчинить себе Эскишехир и Анкару. Его главным противником в Азии оставался эмират Айдын, преграждавший ему путь на юго-запад⁶³.

⁶⁰ Там же, с. 37—43; Kramers, с. 1005—1007.

⁶¹ Bab. 4, с. 999—1001.

⁶² О гражданской войне в Византии см.: Ostr., с. 444—475.

⁶³ Bab. 4; Корпулу, с. 125—126. Дата смерти Орхана точно неизвестна. Узюнчаршили (Ozuncarsili, I, с. 62) называет 1360 г. Виттек, ссылаясь на [На греческом] (Chronica Minora), датирует ее 1362 г. (Wit. 2, с. 44, 54).

Орхан, однако, был великим правителем не только благодаря его завоеваниям. С помощью везира он дал своему государству прочную административную систему, сохранив при этом идеалы *гази*. Он поощрял развитие городов, при этом используя *ахиев* – гильдии ремесленников и торговцев, следовавших кодексу *футуввы*. Вредному в определенном смысле влиянию дервишей он противопоставил *улемов*, являвшихся официальными хранителями мусульманской веры и ее традиций. Их учение давало султану основание для соответствующего обращения со все возрастающим числом его христианских подданных. Если какой-либо город или район оказывал его войскам сопротивление, то после его захвата христианское население лишалось всяких прав. Пятая часть его могла быть обращена в невольников, причем мужчин посылали на работы на землях завоевателей, а мальчиков забирали на обучение военному делу. Если же город или селения сдавались, то христианам разрешалось сохранять свои храмы и обычаи. Многие христиане предпочитали его правление императорскому, поскольку налоги султана не были такими разорительными. Насильственного обращения в ислам не производилось, хотя многие христиане становились мусульманами в стремлении присоединиться к правящему классу. Кроме того, в каждом захваченном городе улемы открывали *медресе* – школы при мечетях – и, таким образом, создавали образованную элиту, из которой султан мог формировать кадры гражданской администрации⁶⁴.

В это же время султан также реорганизовал армию. До этого она состояла почти полностью из легкой кавалерии, набранной из племен, которые все еще оставались в основном кочевыми. Теперь армия делилась на две основные части. Одну из них составляло регулярное ополчение из воинов, получивших от султана землю и вносивших за нее небольшую денежную ренту; в случае необходимости они были обязаны выступать в поход по первому же требованию. Этот феодальный надел, известный как *тимар*, был наследственным. За более крупные или более ценные наделы, называемые *зеаметами*, вносилась и более высокая рента, а его владелец занимал уже командные должности и был обязан также обеспечивать военным снаряжением и себя и своих людей. Наиболее богатые из владельцев самых крупных наделов – *заимов* – становились *пашами* или *санджакбеями* или даже *бейлербеями*; они обладали значительной административной и военной властью и несли большую ответственность.

Наряду с местным ополчением существовала и регулярная армия на жалованье. Служившие пожизненно *янычары*, которые впоследствии образовали личную гвардию султана, в то время были еще пехотным формированием, состоявшим из невольников-христиан или бывших христиан. Во время Орхана основная часть войска именовалась общим названием *сипахии*, которое относилось и к пушкарям, и к оружейникам, и к кузнецам, и к морякам. Многие из них были наделены землей, хотя в любое время они должны были быть готовыми явиться на военную службу; за это они получали жалованье, и, как правило, их призывали лишь на какую-то одну кампанию. Наряду с *сипахиями* были еще и *пияде* – пехотинцы. Впоследствии это название сохранили только те из них, у кого были земельные наделы, остальные же стали именоваться *азабами*. Позднее *азабы* слились с *башибузуками* – нерегулярным войском, служившим лишь за военную добычу и награбленное у населения; то же самое произошло и с *акиби* – легкой кавалерией, вооруженной саблями. Орхан ввел для каждой из составных частей армии специальную форму. Он также учредил эффективную систему мобилизации, так что в любой момент он мог в короткое время собрать крупные, хорошо подготовленные военные силы⁶⁵.

Его преемник Мурад I использовал все преимущества этой хорошо налаженной военной машины. Мать Мурада, известная туркам под именем Нилюфер (т.е. Лилия), была гре-

⁶⁴ Wit. 2, с. 42—43, 50.

⁶⁵ Koprulu, с. 131—132; Pears 2, с. 664—665.

чанкой, дочерью предводителя акритов. Его старший брат Сулейман умер за несколько месяцев до Орхана. Имелись также два сводных брата Мурада; из них старшего, Ибрагима, Мурад немедленно умертвил, а младший, Халиль, сын Феодоры Кантакузин, умер вскоре после этого – быть может, и своей смертью. В первые годы правления Мурад был озабочен делами на азиатских границах своей державы, где ему пришлось подавлять угрозу со стороны эмиров-соперников. За это время несколько завоеванных турками городов во Фракии перешло обратно к византийцам, хотя полностью изгнать турок из Фракии оказалось уже невозможным. И когда в 1365 г. Мурад снова вернулся в Европу, ему не составило большого труда опять захватить их и учредить свою столицу на Европейском континенте – в Адрианополе.

Таким образом, Константинополь с окрестностями оказался отрезанным со всех сторон, за исключением моря; азиатские предместья города были уже в руках турок⁶⁶.

Только теперь в Европе стали сознавать, какую опасность представляют собой турки. Венеция и Генуя, озабоченные судьбой своей торговли и заморских колоний, занялись поисками возможности образования широкой коалиции против неверных, однако из этих попыток ничего не вышло. Император Иоанн отправился в Италию, чтобы поведать Западу о нависшей угрозе и попытаться завербовать там наемников, платить которым ему было нечем. По возвращении в 1373 г. ему пришлось признать себя вассалом султана и пообещать ему ежегодно выплачивать дань и в случае необходимости оказывать военную помощь; его сын Мануил должен был отправиться к султану в качестве заложника. Иоанн оказался верным вассалом, и его старания были вознаграждены, когда в 1374 г. его старший сын Андроник вступил в заговор с сыном Мурада, Сауджи, направленный против обоих монархов. Мятеж был подавлен войсками Мурада. Когда же Андроник снова взбунтовался и, отняв у Иоанна Константинополь, удерживал его в своих руках с 1376 по 1379 г., султан оказал Мануилу помощь, достаточную для того, чтобы восстановить его отца на престоле. Однако платой за это было обязательство помочь турецкой армии в захвате мужественного и преданного Византии города Филадельфии, последнего византийского владения в Азии, кроме Трапезундской империи⁶⁷.

Хотя Запад и был теперь серьезно озабочен, дело не шло дальше пустых разговоров о Крестовом походе. Единственным, кто вел постоянную борьбу с турками, был орден иоаннитов на острове Родос, однако его главным врагом был эмир Айдына, а всякое ослабление мощи последнего было только на руку его сопернику – османскому султану. Таким образом, для Мурада путь на Балканы остался открытым, и орды турок со всей Анатолии хлынули во Фракию – вместе с семьями, а подчас и с отарами овец. Жажда завоевания новых земель не утихала. Самым сильным государством на Балканах тогда все еще была Сербия, хотя после смерти Душана в 1355 г. она и разделилась на две части. Что касается Болгарии, то она так и не оправилась после поражения, которое ей в 1330 г. нанесли сербы под Велбуждом; однако антиболгарская политика Сербии привела лишь к тому, что государство, которое могло бы послужить ей хорошим буфером, фактически перестало существовать. Болгары почти не смогли оказать сопротивление турецкому натиску, за исключением лишь того, что один болгарский отряд присоединился к крупной армии, которую король Южной Сербии Вукашин послал в 1371 г. во Фракию в надежде сдержать нашествие турок. Однако Вукашин был плохим полководцем; застигнутый врасплох, он был разбит значительно меньшей по численности турецкой армией под Чирменом, на реке Марице. В результате этой победы Мурад овладел большей частью Болгарии и сербской Македонией. Болгарскому царю Иоанну Шишману пришлось признать себя вассалом султана и отдать в его

⁶⁶ Uzuncarsili, I, с. 61 и сл.; Wit, 2, с. 44—45; Ostr., с. 478—479.

⁶⁷ Charanis, с. 288—300.

гарем свою дочь Тамару. Князь Северной Сербии Лазарь Гребельянович, к которому отошло теперь все сербское королевство, тоже был вынужден признать Мурада своим сюзереном⁶⁸.

Последние годы царствования Мурад посвятил закреплению результатов своих завоеваний. Он осуществил массовое переселение турок в Европу. Хотя заселение турками новых европейских земель и не могло быть таким же плотным, как в Анатолии или даже во Фракии, тем не менее довольно-таки скоро земельные наделы турецких солдат уже были разбросаны среди греческих, славянских или валашских деревень, власть над которыми находилась в руках турецких беев и пашей. К 1386 г. империя Мурада простиралась вплоть до Монастира, почти на границе с Албанией на западе и до Ниша на севере. В следующем году, после четырехлетней осады, ему сдалась Фессалоника. Благополучие ее зависело от торговли с областями в глубине материка; отрезанная от них, она существовать не могла. Мурад обошелся с городом мягко. Он поставил там своего правителя, но не вмешивался во внутренние дела горожан⁶⁹.

В 1381 г. султан, уже сделавший к этому времени гермянского эмира своим вассалом, счел необходимым начать поход против эмира Карамана, в связи с чем он приказал своим балканским вассалам прислать ему их войска. Гордые сербы были настолько оскорблены этим, что король Лазарь разорвал договор о вассальной зависимости. Последовавшее немедленно в ответ вторжение турок, лишившее его города Ниш, вновь вернуло его к повиновению. Тем не менее Лазарь замыслил организовать против захватчиков всебалканский союз, и в 1387 г. сербы одержали свою первую и единственную победу над султанской армией на берегах реки Топлицы. Мурад, однако, не медлил с отмщением. Пройдя быстрым маршем через разделенную на два царства Болгарию, где он отнял у обоих царей (Иоанна Шишмана, сидевшего в Тырново, и Иоанна Срацимира – в Видине) большую часть их территорий, султан вторгся в Южную Сербию. При этом местный вассал султана, кюстендилский князь, встретивший Мурада с распростертыми объятиями, присоединил свое войско к его армии. Затем султан повернул на север, чтобы сразиться с королем Лазарем на Косовом поле, в месте, называемом Дроздовой долиной.

Ранним утром 15 июня 1389 г., когда султан одевался, в его шатер ввели сербского перебежчика, желавшего дать сведения о расположении войск христиан. Приблизившись к султану, перебежчик вдруг бросился на него и мгновенно вонзил ему в сердце кинжал. Серб не немедленно убили. Однако этот его акт самопожертвования оказался напрасным. В армии султана находились двое его сыновей. Старший, Баязид, принял на себя командование, скрыв известие о кончине своего отца до окончания битвы. Во время сражения турки проявили себя значительно дисциплинированнее христиан, которые, после того как их первая массированная атака захлебнулась, дрогнули, а по их рядам поползли слухи о предательстве. К ночи победа турок стала окончательной. Король Лазарь был взят в плен и казнен в том же шатре, где был убит Мурад. После этого Баязид провозгласил себя султаном и отдал приказ немедленно задушить брата: о разделении власти не могло быть и речи⁷⁰.

За тридцать лет своего правления Мурад I, блестяще используя армию и административный аппарат, оставленные ему отцом, превратил эмират гази в сильнейшую военную державу в Юго-Восточной Европе. Изменчивость его личного характера как бы символизировала изменчивую природу его государства. В отличие от отца и деда, Мурад любил пышность, торжественные церемонии и считал себя императором. Он был суров и даже жесток, с оттенком цинизма, унаследованного, вероятно, от его греческих предков; но в то же время

⁶⁸ Koprulu c. 129—130; Jirecek, II, c. 87 и сл.

⁶⁹ Taf. 2, c. 283—286; Charanis, c. 301; Jirecek, II, c. 99 и сл.; Ostr., c. 485; Bab. 1, c. 65 и сл.

⁷⁰ Bab. 1, c. 1, 24; Jirecek, II, c. 119 и сл. Дата битвы на Косовом поле носит дискуссионный характер, но 15 июня, похоже, соответствует действительности. Ссылки на источники см.: Atiya 2, c. 5, и Ostr., c. 486, примеч. 1.

мог проявлять и великодушие. Он всегда старался быть справедливым и ревностно насаждал дисциплину.

Его наследник Баязид, по всей вероятности, также был сыном гречанки, однако в отличие от Нилюфер она, по-видимому, была наложницей; ее звали Гюльчичек (т.е. Роза). Так же как и отец, Баязид любил пышность, но был более своенравным и горячим, не очень великодушным и менее способным к поддержанию дисциплины. За моментальную реакцию его прозвали Йылдырымом – Молниеносным, однако крупного таланта полководца у него не было. Правление Баязида началось блистательно. Победа на Косовом поле сделала его полновластным хозяином Балкан. Казалось, еще несколько лет – и он поглотит весь полуостров, включая и те районы Греции и Албании, куда турки еще не проникли. На сербском троне Лазаря сменил его сын Стефан, но со скромным титулом деспота и в качестве вассала султана, которому он отдал в жены свою сестру Марию. Болгарское царство со столицей в Тырново в 1393 г. Баязид уничтожил. В 1394 г. турецкая армия хлынула на Пелопоннес, принудив местных князей признать себя вассалами султана. В 1396 г. Баязид даже попытался захватить Константинополь, но, когда он уже стоял под стенами города, до него дошла весть о том, что король Венгрии Сигизмунд начал при поддержке рыцарей из самых разных стран Европы Крестовый поход против него.

Султан немедленно снял осаду и поспешил на север, полностью оправдав свое прозвище Молниеносный, и у Никополя внезапно напал на армию христиан. Беспечность западного рыцарства помогла султану одержать решительную победу, давшую ему возможность аннексировать последнее оставшееся независимым Болгарское царство со столицей в Видине и принудить господаря Валахии, находившейся по другую сторону Дуная, признать себя его вассалом. Утвердив свою власть на Дунае, султан снова повернул на Константинополь, но на сей раз не решился напасть на него – по-видимому, из-за слухов о том, что итальянские морские державы снаряжают против него армаду⁷¹. Вместо этого он безуспешно пытался восстановить Иоанна VII против его дяди Мануила II, делившего с ним трон в полном согласии – в противоположность обычной для Византии практике. Единственным конкретным проявлением тогда западной помощи Константинополю явилось прибытие наконец в Византию горстки солдат во главе с маршалом Бусико. Они пробыли в Константинополе около года, не совершив ничего, что могло бы быть поставлено им в заслугу⁷².

После их отъезда Баязид, видя, сколь слабыми оказались усилия Запада по оказанию помощи, был готов предпринять еще одну попытку взять имперскую столицу. Незадолго перед этим он завершил строительство на азиатском берегу Босфора, в самой узкой его части, крепости, известной сейчас под именем Анадолухисар. Весной 1402 г. он направил императору надменное послание с требованием сдать свою столицу. Мануил II находился в то время в поездке по Западной Европе, а Иоанн VII ответил посланцам султана с мужеством человека, глубоко верящего в Волю Божью: «Скажите своему господину, что мы слабы, но уповаем на Бога, который может сделать нас сильными, а сильнейших низвергнуть с их престолов. Пусть ваш господин поступает, как хочет»⁷³.

Надежды Иоанна на Бога еще более укрепились с получением новостей, пришедших с востока. Татарский эмир Тимур, более известный в литературе как Тамерлан, в действительности был тюрком, происходящим по женской линии от великого монгольского клана Чингисхана. Он родился в Кеше, в Туркестане, в 1336 г. К концу XIV в. он создал империю, простиравшуюся от границ Китая и Бенгальского залива до Средиземного моря. По своим блестящим военным успехам Тимур напоминал самого Чингисхана; он был похож на того и

⁷¹ Подробное описание похода на Никополь см.: Atiya 2, а также: Inal. 2, с. 117—119.

⁷² См. выше, с. 24.

⁷³ Ducas, XV, с. 89.

своей не знающей ни малейшего сострадания жестокостью. Однако у Тимура не было такого умения создать эффективное государственное управление завоеванными землями, которым отличались монгольские правители; после его смерти созданная им держава распалась. Но при жизни это был лютый и грозный враг. Хотя Тимур являлся набожным мусульманином, в нем не было ничего от рыцаря-гази. Он сражался не за веру, а за то, чтобы возвеличить себя, и главными жертвами его жестоких массовых убийств являлись сами мусульмане. Он долгое время с трудом выносил существование Оттоманского султаната – отчасти из-за ревнивых мыслей о том, что кроме его империи существует еще одно сильное турецкое государство, отчасти из-за опасений, что последнее ослабит его контроль над западными провинциями. Еще в 1386г. он пересек границы Восточной Анатолии и в битве при Эрзинджане разбил армию анатолийских эмиров; после этого он ушел, но пригрозил, что еще вернется.

Восемь лет спустя Баязид, женившийся на гермянской княжне и получивший в приданое большую часть принадлежавших ее фамилии земель, лично прибыл в Эрзинджан, чтобы укрепить оборону полуострова. Но в 1395 г. Тимур появился снова и прошел до Сиваса, уничтожая на своем пути все население. От его руки погиб и сын Баязида, занимавший пост губернатора провинции. К счастью для оттоманского султана, армия Тимура повернула на восток, чтобы овладеть Алеппо, Дамаском и Багдадом. Однако волнения Баязида на этом не кончились. Тимур имел с его врагами значительно более тесные контакты, чем он мог себе представить. И когда войска Баязида стояли под стенами Константинополя, в турецкий лагерь прибыли посланники Тимура с безапелляционным требованием вернуть христианскому императору все захваченные у него земли. Баязид отослал Тимуру ответ, составленный в оскорбительном духе, после чего снял осаду Константинополя и направил свою армию в Анатолию.

Тимур в это время был уже в Сивасе. Решающая битва произошла при Анкаре 25 июля 1402 г. Высокомерие Баязида привело к тому, что его войска заняли невыгодные тактические позиции; к тому же солдаты султана были недисциплинированы и раздражены его скупостью. Когда огромная армия Тимура, усиленная отрядом боевых слонов из Индии, двинулась в сокрушительную атаку, оттоманские войска дрогнули и побежали, бросив на поле боя Баязида и его второго сына Мусу, которые стали пленниками Тимура. Единственным войском, твердо стоявшим на своих позициях, был сербский отряд под командованием деспота Стефана, которому удалось спасти старшего сына султана, Сулеймана, и одного из его братьев; четвертый сын Мустафа пропал во время битвы. Спасшиеся от разгрома укрылись в босфорской крепости Анадолухисар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.